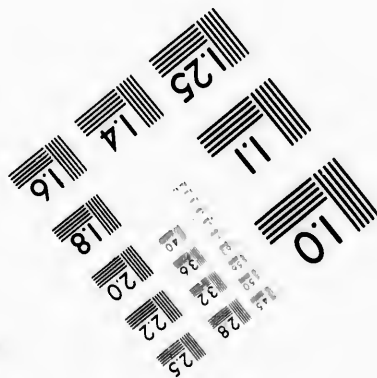
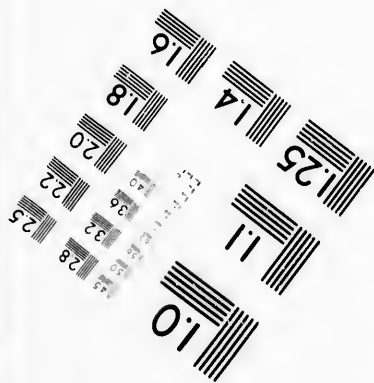
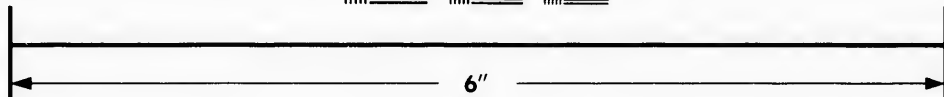
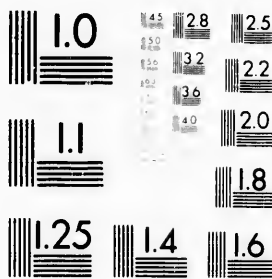

**IMAGE EVALUATION
TEST TARGET (MT-3)**

**Photographic
Sciences
Corporation**

23 WEST MAIN STREET
WEBSTER, N.Y. 14580
(716) 872-4503

14
16
18
20
22
25
28
32
36

**CIHM/ICMH
Microfiche
Series.**

**CIHM/ICMH
Collection de
microfiches.**

Canadian Institute for Historical Microreproductions / Institut canadien de microreproductions historiques

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50

© 1981

Technical and Bibliographic Notes/Notes techniques et bibliographiques

The Institute has attempted to obtain the best original copy available for filming. Features of this copy which may be bibliographically unique, which may alter any of the images in the reproduction, or which may significantly change the usual method of filming, are checked below.

L'Institut a microfilmé le meilleur exemplaire qu'il lui a été possible de se procurer. Les détails de cet exemplaire qui sont peut-être uniques du point de vue bibliographique, qui peuvent modifier une image reproduite, ou qui peuvent exiger une modification dans la méthode normale de filmage sont indiqués ci-dessous.

- Coloured covers/
Couverture de couleur
- Covers damaged/
Couverture endommagée
- Covers restored and/or laminated/
Couverture restaurée et/ou pelliculée
- Cover title missing/
Le titre de couverture manque
- Coloured maps/
Cartes géographiques en couleur
- Coloured ink (i.e. other than blue or black)/
Encre de couleur (i.e. autre que bleue ou noire)
- Coloured plates and/or illustrations/
Planches et/ou illustrations en couleur
- Bound with other material/
Relié avec d'autres documents
- Tight binding may cause shadows or distortion
along interior margin/
La reliure serrée peut causer de l'ombre ou de la
distortion le long de la marge intérieure
- Blank leaves added during restoration may
appear within the text. Whenever possible, these
have been omitted from filming/
Il se peut que certaines pages blanches ajoutées
lors d'une restauration apparaissent dans le texte,
mais, lorsque cela était possible, ces pages n'ont
pas été filmées.
- Additional comments:/
Commentaires supplémentaires:

- Coloured pages/
Pages de couleur
- Pages damaged/
Pages endommagées
- Pages restored and/or laminated/
Pages restaurées et/ou pelliculées
- Pages discoloured, stained or foxed/
Pages décolorées, tachetées ou piquées
- Pages detached/
Pages détachées
- Showthrough/
Transparence
- Quality of print varies/
Qualité inégale de l'impression
- Includes supplementary material/
Comprend du matériel supplémentaire
- Only edition available/
Seule édition disponible
- Pages wholly or partially obscured by errata
slips, tissues, etc., have been refilmed to
ensure the best possible image/
Les pages totalement ou partiellement
obscurcies par un feuillet d'errata, une pelure,
etc., ont été filmées à nouveau de façon à
obtenir la meilleure image possible.

This item is filmed at the reduction ratio checked below/
Ce document est filmé au taux de réduction indiqué ci-dessous.

10X	14X	18X	22X	26X	30X
☐	☐	☒	☐	☐	☐
12X	16X	20X	24X	28X	32X

The copy filmed here has been reproduced thanks to the generosity of:

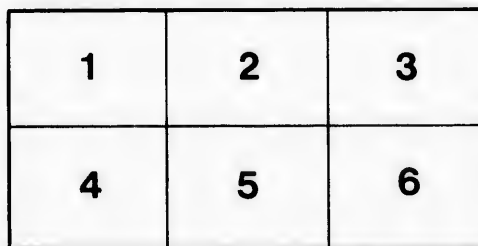
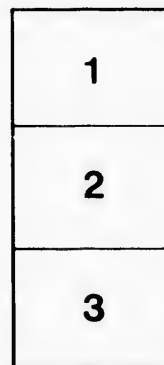
D. B. Weldon Library
University of Western Ontario

The images appearing here are the best quality possible considering the condition and legibility of the original copy and in keeping with the filming contract specifications.

Original copies in printed paper covers are filmed beginning with the front cover and ending on the last page with a printed or illustrated impression, or the back cover when appropriate. All other original copies are filmed beginning on the first page with a printed or illustrated impression, and ending on the last page with a printed or illustrated impression.

The last recorded frame on each microfiche shall contain the symbol \rightarrow (meaning "CONTINUED"), or the symbol ∇ (meaning "END"), whichever applies.

Maps, plates, charts, etc., may be filmed at different reduction ratios. Those too large to be entirely included in one exposure are filmed beginning in the upper left hand corner, left to right and top to bottom, as many frames as required. The following diagrams illustrate the method:

L'exemplaire filmé fut reproduit grâce à la générosité de:

D. B. Weldon Library
University of Western Ontario

Les images suivantes ont été reproduites avec le plus grand soin, compte tenu de la condition et de la netteté de l'exemplaire filmé, et en conformité avec les conditions du contrat de filmage.

Les exemplaires originaux dont la couverture en papier est imprimée sont filmés en commençant par le premier plat et en terminant soit par la dernière page qui comporte une empreinte d'impression ou d'illustration, soit par le second plat, selon le cas. Tous les autres exemplaires originaux sont filmés en commençant par la première page qui comporte une empreinte d'impression ou d'illustration et en terminant par la dernière page qui comporte une telle empreinte.

Un des symboles suivants apparaîtra sur la dernière image de chaque microfiche, selon le cas: le symbole \rightarrow signifie "A SUIVRE", le symbole ∇ signifie "FIN".

Les cartes, planches, tableaux, etc., peuvent être filmés à des taux de réduction différents. Lorsque le document est trop grand pour être reproduit en un seul cliché, il est filmé à partir de l'angle supérieur gauche, de gauche à droite, et de haut en bas, en prenant le nombre d'images nécessaire. Les diagrammes suivants illustrent la méthode.

rrata
o

elure,
n à

CF

781

77-230

MOUVEMENT DES ETUDIANTS
Recueil sous la rédaction de V. Tchertkoff

Prix 1 fr.; 10 d.; 20 cts.; 80 pf.; 40 kop.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1899 года.

Сборникъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. и В. ЧЕРТКОВЫХЪ.

НЕ ВЪ СИЛЪ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Второе изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 29

A. Tchertkoff.
Purleigh, Maldon, Essex, England.
1900.

U. W. O. LIBRARY

Хот
уже д
дѣльно
такъ
поучит
правди
пришл

Глав
увидит
и стате
достав
не впо.
зрѣнія
понде
бы то
органом
наго с
Россіи
таемъ

Со с
гаемъ
тіямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Хотя студенческое движеніе начала прошлаго года теперь уже дѣло прошлаго, мы, тѣмъ не менѣе, рѣшились издать отдѣльной книжкой доставленныя намъ по этому дѣлу матеріалы, такъ какъ видимъ въ этомъ движеніи столько выдающагося, поучительнаго и отраднаго, что намъ хотѣлось бы сохранить правдивое повѣствованіе объ этомъ событіи для тѣхъ, кому не пришлось быть его участниками или очевидцами.

Главное содержаніе издаваемой нами брошюры, какъ читатель увидитъ, состоитъ изъ присланныхъ намъ изъ Россіи сообщеній и статей, написанныхъ съ точки зрѣнія тѣхъ, которые намъ ихъ доставили. Нѣкоторые выраженные въ этихъ статьяхъ взгляды не вполне совпадаютъ съ нашими, вслѣдствіе различія точекъ зрѣнія; но мы охотно предоставляемъ слово нашимъ корреспондентамъ, такъ какъ задаемъ цѣлью не навязывать во что бы то ни стало читателямъ наши личныя мнѣнія, а — служить органомъ для преданія гласности всякаго искренняго и честнаго слова, не могущаго быть печатно высказываемымъ въ Россіи и не противорѣчающаго по существу тому, что мы считаемъ справедливымъ.

Со своей же стороны, мы въ заключительной статьѣ издаваемой наше собственное отношеніе къ описаннымъ здѣсь событіямъ.

В. Ч.

СООБЩЕНИЕ СТУДЕНТОВЪ, участвовавшихъ въ движеніи.

Предлагаемая читателямъ свѣдѣнія отнюдь не исчерпываютъ всего количества матеріаловъ, созданныхъ студенческимъ движеніемъ.

Мы выбрали только то, что по нашему усмотрѣнію ярче всего уясняетъ смыслъ движенія, обрисовываетъ его цѣли, уясняетъ требованія студенчества.

Грандіозность студенческаго движенія гонитъ отъ насъ мысль, что тутъ передъ нами всышка, не имѣющая глубокаго смысла. Мы видѣли, какъ недавно забастовали почти все высшія учебныя заведенія Россійской имперіи.

Эта картина невольно заставляетъ поглубже задуматься надъ движеніемъ, поискать причины серьезной. Съ нашей статьёй мы и хотимъ прійти на помощь читателямъ, желающимъ уяснить себѣ смыслъ движенія. Мы хотимъ главнымъ образомъ помочь читателю выяснитъ причины всего движенія. Причины его найти не трудно, особенно тому, кто такъ или иначе знакомъ съ университетскимъ режимомъ нашихъ дней.

Положеніе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, созданное реакціей послѣднихъ лѣтъ, постоянно ужасно. Со времени введенія нынѣ дѣйствующаго устава 84-го года полицейскій режимъ все нагѣе и нагѣе сталъ налагать свою руку на высшія учебныя заведенія.

Вмѣсто того минимума правъ, какимъ пользовалось студенчество по уставу 63-го г., воцарился теперь грубый произволъ, у студентовъ же нѣтъ никакихъ средствъ бороться хотя бы съ полнѣшимъ беззаконіемъ, ибо за ними не признано права коллективныхъ дѣйствій, и даже больше — великія коллективныя дѣйствія строгаѣе запрещены; этимъ самымъ у нихъ отрѣзанъ путь мирной борьбы противъ насилій посредствомъ разныхъ петицій, жалобъ, адресовъ.

Прошлое поколѣніе видѣло надвигающуюся и все болѣе и болѣе стужающуюся тучу надъ нашими храмами науки, надъ нашей альма матер; намъ же досталось на долю, на порогѣ XX-го вѣка, увидѣть апогей этой злобѣйшей реакціи, апогей ничѣмъ чesмагчаемаго полицейскаго произвола. 8-го февраля студенты Петербургскаго Университета были нагло избиты нагайками. На ряду, однако, съ ростомъ реакціи росло и недовольство

режи
движ
Эт
это п
своел
Бе
для з
тивъ
выст
непи
редъ
ства
Въ
всѣмъ
ди лу
проти
и ув
такъ
знам
по и

4-г
позви
менія
тетск
на ст
сходн
не
инеп
нахо
совъ
верел
пови
демо
на ка
гораз
было
ки и
торъ,
сойтъ
сравн
По
разъ
*)
ный п

режимомъ, зрѣли тѣ сѣмена, изъ которыхъ и выросло нынѣшнее движеніе, и мы видѣли, какіе размѣры приняло оно.

Это не минутная вспышка оскорбленнаго чувства достоинства, это протестъ сознательный, глубокий по своей идѣ, великій по своему размѣру и значенію.

Безпримѣрный фактъ 8-го февраля послужилъ только поводомъ для заявленія глубокаго протеста со стороны студенчества противъ дикаго, все растущаго полицейскаго режима въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, принижавшаго до послѣдней степени человѣческую личность, — поводомъ заявленія открыто передъ правительствомъ и обществомъ возрѣвшихъ для студенчества требованій.

Вѣсть о протестѣ смѣломъ и честномъ пусть несетъ по всѣмъ концамъ Русскаго царства: мы твердо увѣрены, что среди лучшей части нашего общества этотъ симпатичный протестъ противъ скотской приниженности найдетъ задушевный откликъ, и увѣрены, что если въ недалекомъ будущемъ (а борьбы еще такъ много!) студенчеству снова придется поднять свое свѣтлое знамя, то эта часть общества окажетъ не только сочувствіе, но и поддержку.

4-го февраля въ стѣнахъ университета за подписью ректора появилось объявленіе, предостерегающее студентовъ отъ нарушенія общественной тишины и спокойствія въ день университетскаго праздника, 8-го февраля. Объявленіе это произошло на стѣнѣ всего лишь два дня. Въ субботу, 6-го февраля, на сходкѣ, собранной совершенно по другому случаю,* объявленіе это, при одобрительныхъ крикахъ и въ присутствіи инспектора было сорвано со стѣны, а витрина, въ которой оно находилось, разбита въ дребезги. Сходка большинствомъ голосовъ вотировала протестъ противъ присвоенія ректоромъ университета, Сергѣевичемъ, функций полицейской власти и постановила реализовать этотъ протестъ во время акта 8-го февраля демонстративнымъ выходомъ изъ залы при появленіи ректора на кафедрѣ. Однако эта демонстрація 8-го февраля приняла гораздо большіе размѣры, чѣмъ то предполагалось сначала и было рѣшено на сходкѣ. Ректоръ былъ освиетанъ. Шумъ, крики и свистъ были до того сильны и оглушительны, что ректоръ, простоявъ въ теченіе ¼ часа на кафедрѣ, долженъ былъ сойти, и только этимъ прекратить безпорядокъ и водворить сравнительную тишину.

Послѣ акта и обычнаго пѣнія студенческихъ пѣсень (на этотъ разъ въ томъ же актовомъ залѣ, а не на площадкѣ) студенты

* Смерть Фора. Проектъ вѣика отъ студентовъ университета, провазвннй почти единогласно.

(въ числѣ около 1000 слѣшкомъ человекъ) стали выходить изъ университета, рѣшивъ предварительно, чтобы не вызывать никакихъ активныхъ дѣйствій со стороны полиціи, расходиться по домамъ небольшими кучками, а не всей массой.

Но это благое намѣреніе не было выполнено: выйдя изъ университета, студенты съ удивленіемъ увидѣли, что противъ университетской линіи, волею академіи наукъ, всю улицу пересѣкаетъ фаланга конныхъ и пѣшихъ городовыхъ, а зимній переходъ черезъ Неву противъ университета испорченъ. Первые вышедшіе изъ университета, конечно, сейчасъ-же вступили въ переговоры съ приставами и другими полицейскими властями о причинахъ этого ничѣмъ не вызваннаго поступка полиціи. Но всѣ переговоры оказались тщетными; между тѣмъ, около переговаривающихся набиралось все больше и больше студентовъ, вышедшихъ изъ университета. Постѣ безплодныхъ переговоровъ вся масса студентовъ начала мало-по-малу двигаться по направленію къ Николаевскому мосту и, вѣроятно, разошлась бы спокойно по домамъ, еслибъ одинъ необъяснимый поступокъ со стороны полиціи не повернулъ дѣло въ обратную сторону. Когда главная масса студенчества была уже противъ Румянцевскаго сквера, въ это время нагоняють толпу конный полицейскій офицеръ и городской также верхомъ. Толпа остановилась: раздалась возгласъ: „зачѣмъ?“ „что нужно?“ „назадъ!“ „долой!“; полетѣли комья снѣга, нѣсколько человекъ схватили метлы, находившіяся на развѣздѣ конки у сторожей, и замахали ими. Лошадь двухъ всадниковъ испугались криковъ, повернули и, при громкомъ хохотѣ окружающихъ, унеслись опять къ Академіи Наукъ, гдѣ стоялъ эскадронъ. Прошло нѣсколько минутъ.

Толпа уже шла дальше; многіе уже по мосткамъ переходили на ту сторону, другіе-же подходили къ академіи наукъ на пути къ столовой, — какъ вдругъ задніе увидѣли, что эскадронъ конныхъ городовыхъ тронулся и началъ рясью приближаться. Всѣ опять остановились. Раздалась крики, возгласы, какъ всегда въ толпѣ, и когда эскадронъ приблизился, въ него снова полетѣли снѣжки и однимъ изъ нихъ, какъ въостѣдствіи оказалось, была расквашена физиономія предводителя.

„Маршъ-маршъ!“ — скомацдоваль неожиданно офицеръ: „не повѣсить же насъ изъ за этой сволочи студентовъ!...“

Эскадронъ пустился въ карьеръ и врѣзался въ толпу, опрокидывая и топча студентовъ и частныхъ лицъ, напознанныхъ улицу. Въ воздухѣ замелькали пагайки... Пинущій эти строки, какъ заяцъ прыгнувшій черезъ ограду Румянцевскаго сквера, вмѣстѣ со многими другими видѣлъ, какъ одинъ старикъ, почтенный джентльменъ, былъ смятъ лошадыю, и, уже лежащій на землѣ, получилъ ударъ пагайкой; какъ одна молодая женщина, уцѣпившаяся за рѣшетку сквера, получила ударъ пагайкой отъ проскакавшаго вблизи опричника; онъ видѣлъ въ скверѣ лежащаго на снѣгу студента, пальто котораго представляло одинъ

дохм
факт
паго
Вн
моли
о сх
ли д
годи
щій
ся п
какъ
части
акто
ваніе
стѣн
лѣто
2000
едно
впро
почт
тѣхъ
впре
мент
али
изъ у
Было
испр
лоих
Румя
движ
чо с
ель
спос
ково
кае
може
приг
свис
пред
вори
стер
свис
и п
цил
жал
За
долж
посл

дохмотья, до того оно было непопосовано и разодрано. Такихъ фактовъ потомъ рассказывали много. После этого победоноснаго набѣга, эскадронъ удалился съ поля битвы.

Вѣсть объ этомъ побойцѣ распространилась съ быстротою молнии. Недоволеніе охватило рѣшительно всѣхъ; всѣ говорили о сходкѣ на слѣдующій день въ университетѣ. (Вечеромъ были двѣ вечеринки, которыя мало чѣмъ отличались отъ прошлогоднихъ, и объ нихъ я не буду распространяться). На слѣдующій день, уже въ 10 часовъ, народъ во множествѣ сталъ стекаться въ университетѣ. Въ 11 часовъ открылась сходка, но такъ какъ на площадкѣ могла помѣститься только незначительная часть, то обратились къ инспекціи съ требованіемъ открыть актовій залъ. Перенутанная инспекція исполнила это требованіе. И вотъ съ этого дня въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней стѣны этого зала были свидѣтелями безпримѣрнаго событія въ лѣтописяхъ университета. Сходка, состоящая болѣе чѣмъ изъ 2000 человекъ, съ замѣчательною выдержкой, спокойствіемъ и, единодушіемъ, послѣ продолжительныхъ преній, касавшихся впрочемъ, только формъ протеста, вотировала единогласно (или почти единогласно) поднятіемъ рукъ закрытіе университета до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будутъ даны гарантіи, что впродъ такъ беззастѣнливо и нагло не будутъ нарушаться элементарнѣйшія права человеческой личности. Всѣ другія мѣры или формы протеста, какъ то: петиція, коллективный выходъ изъ университета, были отвергнуты подавляющимъ большинствомъ. Было рѣшено всеми силами добиваться закрытія университета, посредствомъ обструкціи и соглашеній съ профессорами, изъ коихъ многіе еще въ день достопримѣтельнаго сраженія у Румянцевскаго сквера выражали свое желаніе примкнуть къ движенію активно, въ какой бы формѣ оно не отлилось. Нужно сказать, что сходка въ актовомъ залѣ проходила съ удивительнымъ тактомъ, спокойствіемъ и единодушіемъ, чему много способствовали удачный выборъ председателя сходки, умѣло руководившаго съ кафедръ преніями. Ораторы также говорили съ кафедръ. До чего было серьезно и сдержанно настроено собраніе, можемъ судить по тому, какъ оно отнеслось къ рѣчи ректора, приглашеннаго посредствомъ депутации на сходку. Ни одного свистка, ни одного аплодисмента (это было заранѣе предложено председателемъ). И только, когда онъ, вмѣсто того, чтобы говорить о пагайкахъ, сталъ объяснять свое предостереженіе, за которое былъ обвиненъ на актѣ, и предложилъ свиставшимъ явиться къ нему по одиночкѣ въ его канцелярію и принести покаяніе и „для видимости понести дисциплинарное наказаніе“, — точно электрической токъ пробѣжалъ по собранію, но... ни одного свистка.

Затѣмъ председатель просилъ его удалиться, и засѣданіе продолжалось. О, какъ зло высмѣяли ораторы его рѣчь, а затѣмъ, послѣ продолжительныхъ преній о средствахъ протеста, сходка

В. Ш. О. ГИМНАЗИИ

как я уже говорил, единогласно котировала „фактическое закрытие университета“ и через депутацию довела о сеем до сведения ректора. Затѣмъ председатель пригласилъ всѣхъ присутствующихъ собраться завтра снова въ университетъ и посредствомъ обструкціи воспрепятствовать чтенію лекцій, если бы таковыя начались. Я забылъ упомянуть, что въ концѣ сходки прибыли делегаты отъ Лѣсного института съ заявленіемъ, что они присоединяются къ протесту университета, и было прочтано сочувственное письмо отъ кружка морскихъ офицеровъ.

Вскорѣ къ движенію присоединились всѣ высшія учебныя заведенія; во всѣхъ нихъ движеніе выразилось въ формѣ забастовки. Въ 12 часовъ университетъ былъ окруженъ цѣпью городскихъ; въ шинельныя и во всѣ входы и выходы были введены также городовые, никого не выпускавшіе и никого не выпускавшіе; такимъ образомъ, университетъ очутился въ осадномъ положеніи.

Въ 1 часъ, въ концѣ корридора появился градоначальникъ съ приставами, прошелъ по корридору на площадку, и тамъ съ нимъ вели переговоры депутаты, или, вѣрнѣе, люди, отдавшіе себя дѣлу въ эти послѣдніе дни. Конечно, переговоры эти ни къ чему не привели. Распространились слухи, что ректоръ подалъ въ отставку, что профессора готовятъ энергичный протестъ противъ введенія въ стѣны университета полиціи... и многіе другіе, пока еще не достовѣрные слухи.

Съ 12 часовъ рѣшено было спокойно разойтись, чтобы на слѣдующій день опять явиться въ 10 часовъ, съ цѣлью препятствовать чтенію лекцій. Постъ занесъ всѣхъ участниковъ при выходѣ цѣпами полиціи, всѣ бывшіе разошлись по домамъ.

Въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ забастовка также началась съ сегодняшняго числа (12 февраля).

Воодушевленіе и единодушіе просто удивительное. Главное, что къ этому движенію примкнула вся та часть студенчества, которая два года тому назадъ волновалась изъ за „поруганнаго студенческаго мундира.“ (Говорить, что нагайкой выткнули даже нѣкоторыхъ студентовъ изъ извѣстныхъ фамилій, между прочими и одного изъ сыночекъ Кіевского генераль-губернатора Игнатьева). Въ обществѣ негодованіе.

было
8-го
несо
и въ
пред
„За
рива
гнш
дней
нару
разо
ютел
если
ству.
до 3
для
съ п
подв
нію
необ
этом
тѣмъ
г. П
объ
въ н
перо
ити
бол
това
тель
взро
про
лѣні
нан
сите

*)
неиз
мой

II.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ОБЩЕСТВА.*)

Въ началѣ февраля текущего года ректоромъ университета было объявлено объявленіе, въ которомъ, указавъ на то, что 8-го февраля (въ день годовщины университета) нерѣдко происходитъ со стороны студентовъ нарушенія порядка на улицахъ и въ публичныхъ собраніяхъ, — г-нь ректоръ счелъ нужнымъ предупредить студентовъ о послѣдствіяхъ такого поведения. „Законъ, — сказано было въ этомъ объявленіи, — предусматриваетъ такого рода безпорядки и за нарушеніе общественной тишины и спокойствія подвергаетъ виновныхъ: аресту на семь дней или денежному штрафу до 25 рублей. Если же въ этихъ нарушеніяхъ будетъ участвовать цѣлая толпа людей, которая не разойдется по требованію полиціи, то упростиющіе подвергаются: аресту до одного мѣсяца или штрафу до 100 рублей. А если необходимо будетъ прекратить безпорядки силою, то упростиющіе подвергаются: аресту до трехъ мѣсяцевъ или штрафу до 300 рублей. Законъ предписываетъ даже употребленіе силы для прекращенія безпорядковъ. Послѣдствія такого столкновенія съ полиціей могутъ быть очень печальны. Виновные могутъ подвергнуться: аресту, лишенію льготъ, увольненію и исключенію изъ университета и высылкѣ изъ столицы (!) . . . Считаю необходимымъ, — заключаетъ ректоръ, — предупредить объ этомъ студентовъ. Студенты должны исполнять законы, охраняя тѣмъ честь и достоинство университета“.

Въ запискѣ, поданной 17-го февраля министромъ финансовъ г. Витте въ совѣщаніе министровъ, говорится по поводу этого объявленія: „Нельзя не замѣтить, что большинство находящейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи находится въ томъ переходномъ возрастѣ, въ которомъ человѣкъ такъ боится уронить свое, не всегда правильно понимаемое достоинство и до болѣзненности щепетильно относится къ чести своей и своихъ товарищей. Поэтому для меня не представляется вовсе удивительнымъ, что объявленіе ректора, въ которомъ каждый вполне взрослый человѣкъ увидѣлъ бы лишь простое предупрежденіе, — произвело на увлекающуюся молодежь неблагоприятное впечатлѣніе. Можетъ быть, — продолжаетъ господинъ министръ финансовъ, — студенты въ подобномъ случаѣ отъ своего университетскаго начальства ожидали обращенія къ чувству ихъ чести,

*) Статья эта, полученная нами въ апрѣлѣ 1899 г., прислана намъ отъ неизвѣстнаго лица и выражаетъ, дѣйствительно, отголосокъ большей и лучшей части русскаго общества въ первый періодъ студенческой исторіи.

а не угрозы наказания за буйство и непристойное поведение немногих их товарищей. Может быть, лучшей частью студентам сочла себя оскорбленной тѣмъ, что за уличные безпорядки, ежегодно производимые небольшою кучкой буйности, была наброшена къ глазамъ общества тѣнь на всѣхъ студентовъ университета. Въ другомъ мѣстѣ той же записки объявленіе ректора называется „не вполнѣ удачнымъ по формѣ, но получившимъ широкое распространіе“.

Записка г. Витте подписана также министрами Хилковымъ, Ермоловымъ, Муравьевымъ, а также Протасовымъ - Бахметьевымъ. Такимъ образомъ, нетактичность объявленія ректора признана лицами очень авторитетными, и мы можемъ лишь прибавить съ своей стороны, что эта „нетактичность“ встрѣтилась среди учащейся молодежи почву, подготовленную многими предварительными нетактичностями ректора. Нужно сказать, что профессоръ В. П. Сергѣевичъ къ своей извѣстности ученаго успѣлъ прибавить также извѣстность челоѣка, совершенно лишенаго такта, что еще недавно привело къ выходу его изъ литературнаго фонда (инцидентъ, въ свое время оглашенный въ газетахъ). Къ несчастью, въ обращеніи профессора Сергѣевича, вдобавокъ, присутствуетъ постоянная склонность къ сарказму и насмѣшкѣ. Извѣстно, между тѣмъ, что молодежь легче переноситъ прямую грубость, чѣмъ саркастическое пренебреженіе. Эта черта, далеко не всегда сопровождаемая остроуміемъ и при полномъ отсутствіи такта, — давно уже раздражала университетскую молодежь, положеніе которой, нужно сказать правду, далеко не располагаетъ къ веселости и обмѣну остротами.

Объявленіе ректора, подъ свистъ и шиканье, было сорвано студентами и уничтожено. Подъ впечатлѣніемъ этого эпизода, студенты встрѣтили 8-е февраля, годовщину своего университета.

Министръ финансовъ г. Витте слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ очевидно, то, что произошло на годичномъ актѣ: „Считая, повидимому, себя оскорбленными объявленіемъ ректора, студенты и направили свое неудовольствіе противъ лица, подписавшаго объявленіе, т. е. противъ ректора. На актѣ это вылилось вполнѣ. Торжественное годовое собраніе началось спокойно. При соблюденіи полного порядка былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности университета за минувшій 1898 годъ, была произнесена профессоромъ Ольденбургомъ актовая рѣчь на ученую тему, и только при появленіи на кафедрѣ ректора университета раздался свистки, и начался безпорядокъ. Но этотъ послѣдній немедленно и прекратился, какъ только профессоръ Сергѣевичъ сошелъ съ кафедры. Съ почтительнымъ вниманіемъ былъ выслушанъ затѣмъ національный гимнь, завершнный единодушными аплодисментами и требованіями повторенія; съ большимъ одушевленіемъ исполнена и студенческая пѣснь.“

Нельзя, въ виду всего изложеннаго, не согласиться съ авторомъ приводимой нами записки, что (въ этой по крайней мѣрѣ стадіи) все происшествіе нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ „школьной демонстраціей“, едва ли не вызванною не вполне удачнымъ по изложенію объявленіемъ, въ которомъ молодья, горячія головы усмотрѣли горькое оскорбленіе.

Однако, судьбѣ угодно было, чтобы за стѣнами университета студентовъ ждала новая неожиданность, изъ тѣхъ, въ которыхъ „воплѣ взрослые“ русскіе люди тоже, пожалуй, не увидали бы ничего особеннаго, но которыхъ неопытная еще молодежь не можетъ переносить съ достаточнымъ философскимъ спокойствіемъ.

Передъ университетомъ выстроились отряды конной полицейской стражи, которая и загородила студентамъ дорогу къ ближайшему Дворцовому мосту, растянувшись отъ вахели до напели. Стража стояла молча, точно рядъ конныхъ изваяній, и никто не пытался не только предупредить молодежь заранѣе о томъ, что путь этотъ будетъ закрытъ, но никто не указалъ также, куда она должна направляться.

Воплѣ понятно, что изъ университета молодежь выходила толпою, совершенно такъ, какъ выходитъ публика изъ церкви или изъ театра. Не менѣе понятно также, что, задержанная почти у самаго выхода, толпа ступилась и увеличилась въ объемѣ. Увидѣвъ, что ближайшій путь закрытъ, эта толпа двинулась къ мосткамъ черезъ Неву. Мостки эти оказались заранѣе убранными, и ходъ черезъ Неву прегражденъ.

Для чего это было сдѣлано? Повидимому, полиція не хотѣла пропускать студентовъ мимо дворца. Къ сожалѣнію, высокопоставленный авторъ цитированной нами записки не присутствовалъ при томъ, что разыгралось послѣ акта на набережной Невы, но „лица, воплѣ заслуживающія довѣрія“, рассказали ему въ общихъ чертахъ то же, что извѣстно изъ другихъ источниковъ.

„Есть основаніе предполагать, — говоритъ онъ въ своей запискѣ, — что пріемы, посредствомъ которыхъ желали не пропустить прохожденія толпою по городу собравшейся на актъ возбужденной молодежи, были (опять) не воплѣ тактичны. Можно также сомнѣваться и въ практичности распоряженія полиціи о томъ, чтобы для прохода студентовъ изъ университета на другой берегъ Невы были закрыты проходы по льду черезъ Дворцовый мостъ. Направленіе всей толпы по одному пути (къ Николаевскому мосту) уже само по себѣ должно было вызвать безпорядокъ. Для того, чтобы студенты не проходили мимо дворца, не было надобности закрыть проходъ по Дворцовому мосту, ибо совершенно достаточно было закрыть проходъ по набережной къ дворцу и по площади на Морскую, оставить свободнымъ ходъ по Адмиралтейскому проѣзду на Невскій проспектъ“. Поэтому г. министру опять кажется нисколько „не-

В. М. О. ГИМАРА

удивительнымъ, что, когда экзальтированная всѣмъ происшедшимъ на актѣ молодежь столкнулась съ запрещеніемъ свободнаго прохода, то это распоряженіе въ разгоряченномъ воображеніи молодыхъ головъ показалось и обиднымъ, и незаконнымъ. Отсюда вполнѣ понятны и происшедшій уличный безпорядокъ, и дальнѣйшій ходъ студенческаго броженія“.

Такимъ образомъ, „нетактичность“, нефлесообразность и грубость принятыя полиціей мѣры опять признается министромъ. Однако, есть здѣсь черта, которую, къ сожалѣнію, авторъ-составитель записки, упускаетъ изъ виду. Эта толпа студентовъ, безцеремонно остановленная у выхода изъ университета и мечущаяся отъ одного прохода къ другому, перегоняемая, какъ стадо, безъ всякихъ объясненій съ мѣста на мѣсто, — это — увы! — настоящій прообразъ русской жизни и нашего общества, останавливаемого на всѣхъ законнѣйшихъ путяхъ своей дѣятельности. Всюду вырастаютъ неожиданныя препятствія, по поводу которыхъ, мы ужасены, тотъ же г. министръ финансовъ могъ бы сказать съ полнымъ правомъ: „есть основаніе считать ихъ и обидными, и незаконными“... .

Чувствовала ли все это молодежь, безцеремонно задержанная, искусственно сбита въ толпу и подвигающаяся по набережной къ Николаевскому мосту? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно. Во всякомъ случаѣ является до извѣстной степени утѣшеніемъ, что ея настроеніе кажется понятнымъ пяти высшимъ государственнымъ дѣятелямъ современной Россіи... . Что же было дальше? Студенты, бывшіе въ этой толпѣ, передавали, что впереди, у Николаевского моста, имъ видѣлся полный отрядъ. Это, разумѣется, было бы не особенно удивительно, какъ, впрочемъ, и то, если бы этотъ отрядъ только почудился „взволнованному воображенію экзальтированной молодежи“. Въ пользу перваго предположенія говорить, впрочемъ, то обстоятельство, что едва толпа прошла сотню сажень въ принятомъ направленіи, какъ отъ отряда стражниковъ отдѣлился офицеръ съ однимъ всадникомъ и поскакалъ въ догонку.

Студенты подумали, что онъ скачетъ, чтобы устроить новую преграду впереди. Тогда терпѣніе „экзальтированной молодежи“ истощилось и въ приближающихся всадниковъ полетѣли свѣчки. Поручикъ вернулся обратно, сталъ во главѣ своей стражи и скомандовалъ атаку.

Въ студенческомъ „бюллетенѣ“, описывавшемъ это событіе, сказано, что офицеръ скомандовалъ „маршъ маршъ“ и при этомъ прибавилъ: „не повѣсить же насъ за эту студенческую сволочь!“

Господинъ военный министръ въ рѣчи, сказанной въ медицинургической академіи, говоритъ, что офицеръ, „потерявъ голову, скомандовалъ: рысью впередъ!“ Надо думать, что г-ну военному министру слова команды извѣстны лучше, чѣмъ студентамъ. Фактъ, однако, тотъ, что рядъ „нетактичностей“ это-

го
ма
ваг
вое
доб
Г
пед
нат
стор
ей
дип
ваш
жен
опят
ческ
мног
дале
нов
И
посл
ка, и
го р
чка
за о
емъ.
В
ковл
емъ.
окол
напу
торъ
З
небл
дисл
намъ
”
тамъ
нев
лемъ
го
ник
ракъ
рыл
вля
нуж
по
Г
вог

го для завершения форменной атаккой на искусственно, мѣрами же полиціи собранную толпу, причемъ были пущены въ ходъ нагайки. „Чѣмъ могли отвѣтить грубые мужики, одѣтые въ военную форму?“ спрашиваетъ второй министръ, — особенно, добавимъ мы отъ себя, — услышавъ прямую команду.

Г-нъ военный министръ оиать ни мало не удивляется происшедшему. „И каждый изъ васъ, — полагаетъ генераль Куропаткинъ, — поступилъ бы такъ же, какъ и онъ.“ Но съ другой стороны, тотъ же министръ категорически утверждалъ въ своей рѣчи, что понимаетъ также настроеніе студентовъ, присоединившихся къ протесту. Онъ думаетъ даже, что „и самъ, будь на вашемъ мѣстѣ, тоже присоединился бы къ протесту“. . . Положеніе, въ значительной мѣрѣ, парадоксальное и — увы! — оиать слишкомъ характерное для общаго строя нашей политической и гражданской жизни, заставляющее искать причину многихъ прискорбныхъ столкновеній въ условіяхъ весьма отдаленныхъ отъ непосредственныхъ участниковъ самаго столкновенія.

Повидимому, студенты совершенно согласны съ господиномъ военнымъ министромъ въ оцѣнкѣ поступка полицейскаго поручика, и вносѣдствіи въ нихъ „бюллетеней“ и постановленій много разъ повторяется мысль, что наказаніе злополучнаго поручика они никакимъ образомъ не могутъ считать удовлетвореніемъ за оскорбленіе, и что это было бы столь знакомымъ намъ обвиненіемъ „во всемъ виноватаго стрѣлочника.“

Весь этотъ день полиція была на сторожѣ, ожидая безпорядковъ, о которыхъ г-нъ ректоръ говорилъ такъ подробно въ своемъ объявленіи. Особенно сильныя полицейскіе посты стояли около крупныхъ гостиницъ на Невскомъ. Но ожиданія были напрасны: никто не думалъ тревожить даже знаменитаго ресторана Палкина.

За то сходка на слѣзующій день въ университетѣ отличалась небывалымъ многолюдствомъ, замѣчательною выдержанностью и дисциплиной. Началось движеніе, еще небывалое въ исторіи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

„Я помню, — говорилъ ректоръ въ своей рѣчи къ студентамъ, — много студенческихъ исторій; помню знаменитое волненіе 1862 года, и послѣ нихъ я пережилъ и былъ свидѣтелемъ немаловажнаго числа такихъ исторій, — и я скажу, что такого критическаго момента еще не переживало студенчество никогда и нигдѣ.“ Дѣйствительно, и по размѣрамъ, и по характеру, по чрезвычайной выдержанности и дисциплинѣ, которая проявила студенческая масса, — движеніе 1899 года оставляетъ далеко за собою все прежнія. Быть можетъ, то же можно сказать и о размѣрахъ сочувствія, вызваннаго движеніемъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества.

Рѣчь В. И. Сергѣевича, въ которой не было ни одного живого и убдительнаго слова, была выслушана въ глубочайшемъ

В. М. С. Липки

молчаніи. На слѣдующій день новая сходка приняла постановленіе, въ которомъ выражалось намѣреніе добиться закрытія университета до тѣхъ поръ, пока студенты не получаютъ удовлетворенія и „гарантіи личной неприкосновенности“. Въ случаѣ же, если нѣкоторые профессора не пожелаютъ прекратить лекцій, рѣшено прибѣгнуть къ obstructіи. Постановленіе это тотчасъ-же приведено въ исполненіе.

Профессора Марковъ, Сергѣевскій, Горчаковъ нашли свои аудиторіи пустыми, хотя и сочли себя обязанными просидѣть положенное время на кафедрѣ. Профессоръ церковнаго права Горчаковъ, поставивъ стулъ въ дверяхъ аудиторіи, обратился съ рѣчью къ студентамъ, толпившимся въ корридорѣ. Профессору астрономіи Глазенахъ приглашала слушателей предать изученію безстрастныхъ звѣздъ, какъ занятію, болѣе возвышающему душу, нежели политика. Всѣ эти добросовѣстные попытки не имѣли, однако, никакого успѣха, къ тому же ихъ прекратилъ самъ ректоръ г. Сергѣевичъ, пригласившій въ стѣны университета градоначальника съ полиціей. Полицейскіе заняли входы, запирали студентовъ, забирали билеты, одинъ разъ заверли 1500 человекъ въ манежѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ отсутствовали отъ чтенія почти всѣ профессора. У профессора Горчакова произошелъ съ градоначальникомъ г. Клейгельсомъ чрезвычайно интересный разговоръ, при чемъ профессоръ-священникъ заявилъ, что считаетъ присутствіе полиціи въ стѣнахъ университета оскорбительнымъ и незаконнымъ.

Впрочемъ, изились четыре профессора, не раздѣлявшіе взгляда почтеннаго г. Горчакова. Это были гг. Ведровъ, Фойницкій, Георгіевскій и извѣстный съ разныхъ сторонъ профессоръ Псаевъ. Эти ученые не считали оскорбительнымъ для себя проходить къ кафедрѣ сквозь строй городовыхъ, а профессоръ Псаевъ заявилъ, что, по его мнѣнію, „честныхъ профессоровъ можно слушать и въ военное время.“ Онъ былъ жестоко осужденъ молодежью, и эта своеобразная демонстрація профессорской чести не удалась.

Между тѣмъ волненіе быстро охватывало всю учащуюся молодежь сначала въ Петербургѣ, а потомъ и по всей Россіи 12 февраля къ движенію примкнули институты: горный, лѣсной, женскій медицинскій, электрическій, институтъ инженероупутей сообщенія и медико-хирургическая военная академія. Вѣфевратѣ же прекратили слушаніе лекцій институты технологическій, гражданскихъ инженеровъ, высшіе женскіе курсы. — Вслѣдъ затѣмъ курсы Лесгафта, Рождественскіе, академія художествъ и даже зубоврачебные курсы. Къ 20 февраля „забастовка учащихся молодежи“ распространилась на историко-филологическій институтъ въ С. Петербургѣ, на университетъ Московскій и Кіевскій, женскіе педагогическіе курсы, Московское техническое училище, Московскій сельско-хозяйственный

инст
инст
ниче
ках
Вар
Т
врем
учас
рѣки
В
въ у
кали
тета
прот
„Д
по з
силе
пзво
по в
чал
заве
„про
сите
ства
дрод
20 т
такт
толь
сове
сущ

Ка
или
го с
онъ
„нес
пред
каж
ство
арес
коне
Го
Вско
ласъ
кото
Всѣ
наем

институтъ (бывш. Петровская академія), сельско-хозяйственный институтъ въ Новой Александріи, Кіевскій и Рижскій политехническіе институты. Затѣмъ, получились извѣстія о беспорядкахъ въ Харьковскомъ, Одесскомъ, Юрьевскомъ, Томскомъ и Варшавскомъ университетахъ.

Такимъ образомъ все высшее учебное дѣло въ Россіи на время остановилось, и свыше 25 тысячъ молодежи приняло участіе въ движеніи, начавшемся 8-го февраля на набережной рѣки Невы.

Все учебныя заведенія, примыкавшія къ движенію, посылали въ университетъ заявленія, въ которыхъ рѣшительно примыкали къ „требованіямъ“, поставленнымъ студентами университета. Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ слышались горячіе протесты противъ полицейскаго произвола въ разныхъ его видахъ.

„И такъ, товарищи, — читаемъ мы въ бюллетенѣ 3-го дня по закрытіи университета (13 фев.), — нашъ протестъ возвысился до протеста науки и просвѣщенія противъ дикаго произвола“. . . И это не было преувеличеніемъ. Дѣйствительно, по всему лицу русской земли, начиная съ Петербурга и кончая далекой Сибирью, гдѣ только существуютъ высшія учебныя заведенія, отсутствіе храмы науки молчаливо протестовали „противъ дикаго произвола“. . . Но и туда, гдѣ нѣтъ университетовъ и институтовъ, въ самые глухіе углы нашего отечества проникла тревога и волненіе: русскіе отцы и матери дрожали за участь своихъ дѣтей, стались на карту надежды 20 тысячъ русскихъ семей, неповинныхъ уже ни въ чьихъ тактичествахъ и ни въ чьей „молодой экзальтаціи“. Кажется только одинъ г-нъ Суворинъ во всей Россіи полагаетъ, что это совершенные пустяки, до которыхъ русскому правительству въ сущности нѣтъ никакого дѣла.

Каковъ характеръ этого движенія? При каждахъ болѣе или менѣе значительныхъ волненіяхъ студенчества прежде всего ставится этотъ вопросъ, и по большей части до сихъ поръ онъ рѣшался въ томъ смыслѣ, что движеніе носитъ характеръ „несомнѣнно политическій“. Доказать это полиціи никогда не представляло затрудненія: достаточно было захватить при обыскахъ нѣсколько целеуказанныхъ брошюръ или установить знакомство кого-нибудь изъ участившихъ волненія съ нѣмъ-нибудь изъ арестованныхъ ранее (хотя бы и вполне неосновательно). Наконецъ, никогда не было недостатка въ провокаціи.

Говорятъ, что и на этотъ разъ въ ней не было недостатка. Вскорѣ же послѣ фактическаго закрытія университета появилась прокламація отъ имени социалистовъ-революціонеровъ, въ которой движеніе объявлялось рѣшительно — революціоннымъ. Все дѣйствительные организаторы движенія, члены такъ называемыхъ организаціонныхъ комитетовъ, утверждаютъ, что это

заявление происхождении чисто — и лицейского. Говорили также о загадочном объявлении, появившемся в „Новомъ Времени“, съ обращеніемъ „Дѣлка“, съ датой основанія Харьковскаго университета и подписанномъ „Гусыня“. Такъ какъ объявленія цензуруются въ градоначальствахъ, то въ этомъ объявленіи, заключающемъ странныя и загадочныя приглашенія, многіе видятъ тоже полицейскую провокацію. Трудно сказать — насколько это основательно.

Сами студенты и признанные ихъ представители старательно устранили всякій намекъ на этотъ „политическій характеръ“ своего протеста. „Ректоръ — говорилось въ одномъ изъ бюллетеней, которые студенты выпускали во все время движенія, — пытался въ своей рѣчи придать движенію политическую окраску, но студенты, говорившіе постъ ректора, опровергли это утверждение“. Все время они съ замѣчательною выдержанностью и дисциплиной сумѣли избѣгать всякаго повода для уличныхъ безпорядковъ и столкновеній съ полиціей. Постъ самыхъ многолюдныхъ сходовъ они расходились въ одиночку или небольшими кучками, которымъ, при всемъ желаніи, невозможно было придать значеніе скопищъ.

Въ обществѣ тоже единодушно отрицался „политическій характеръ“ настоящихъ волненій. „Говори о настоящемъ весьма прискорбномъ случаѣ, — пишетъ въ своей запискѣ г-нъ Вите, — я не могу не отмѣтить того, на мой взглядъ весьма отраднаго факта, что настоящіе безпорядки... лишены, повидимому, всякой политической окраски.“ Но однако, самъ онъ признаетъ, что „вълѣдствіе всего происшедшаго дѣло выросло отъ *школьной шалости* на степень общественнаго явленія.“

„Родители и родственники студентовъ беспокоятся за ихъ участь, бывшіе студенты скорбятъ о своихъ родныхъ заведеніяхъ, тревожное чувство господствуетъ не только среди учащейся молодежи, но и въ большей части общества.“

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшую оговорку: собственно *школьная шалость* (свѣтъ ректору) не имѣла ни малѣйшаго отношенія къ тому, что произошло за стѣнами университета, и, такимъ образомъ, вѣрнѣе было бы сказать, что въ данномъ случаѣ событіе огромной важности, „вызванное тревожное состояніе въ большей части общества“, выросло не изъ *школьной, а политической шалости*, и это обстоятельство окрашиваетъ все движеніе. Последнее, очевидно, имѣетъ характеръ протеста противъ полицейскаго произвола, одно изъ проявленій котораго разыгралось 8-го февраля, и это, конечно, выводитъ его далеко за предѣлы чисто „школьных“ манифестацій.

„Политическимъ“, въ строгомъ смѣлѣ, студенческое движеніе можно было бы назвать въ томъ случаѣ, если бы оно было вызвано и направляемо той или другой партіей, имѣющей въ виду опредѣленную политическую программу. Уже самые размеры движенія, — охватившаго всю молодежь и взволновавша-

го все русское общество отъ мелкаго чиновника до министра, — показываютъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ или другомъ строѣ политическихъ взглядовъ, а о нѣкоторыхъ аксіомахъ, рѣшеніе которыхъ одинаково доступно людямъ самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій.

Въ своихъ требованіяхъ, формулированныхъ обстоятельно, умѣренно и точно, студенты университета говорить лишь объ „отсутствіи гарантій неприкосновенности личности“ и требуютъ ответственности полиціи въ общемъ порядкѣ подъ судомъ. Тѣ же требованія, съ чрезвычайнымъ единодушіемъ и съ нѣсколько лишь большей широтой, заявляютъ остальные заведенія. Такъ, напримѣръ, „студенты всѣхъ пяти курсовъ инженеровъ путемъ сообщенія, присоединивъ къ протесту, постановляютъ прекратить посѣщеніе лекцій до тѣхъ поръ, пока всѣ мы не будемъ гарантированы на будущее время отъ возможности повторенія подобныхъ фактовъ...“ Требованіе гарантій личной неприкосновенности, — говорится въ постановленіи организационнаго комитета студентовъ горнаго института, — „это основное требованіемъ студенчества, за которое оно будетъ бороться до конца“... „Полное удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное студенчеству, гарантій физической неприкосновенности и опубликованіе правилъ, которыми руководствуется полиція по отношенію къ студентамъ“, — таковы требованія студентовъ лѣснаго института. Таковы же они у всей остальной молодежи, примкнувшей къ движению.

Такимъ образомъ, отрицая политическій характеръ своего движенія, студенчество ставитъ требованія, направленные противъ нѣкоторыхъ „прерогативъ“ полиціи. Последнія, можно даже думать, совершенно искренно считаетъ эти прерогативы, г. е. полную фактическую безсудность свою, основнымъ началомъ самодержавнаго строя. Нужно сказать, что такъ думаетъ не одна полиція, но и многіе „взрослые русскіе люди“. Въ своей рѣчи, обращенной къ студентамъ, В. И. Сергѣевичъ говоритъ между прочимъ: „Вы смѣстили меня, но за мною стоитъ непонятель, а за нимъ... Вы выбросили меня, назначеннаго по указу его величества, и я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ о послѣдствіяхъ“... Смысль этой аргументаціи ясенъ: протестуя противъ г-на ректора, студенты идутъ противъ самого царя, и, значитъ, движеніе направлено противъ существующаго строя. То же разсужденіе съ неменьшимъ правомъ могъ бы примѣнять къ себѣ и бравый поручикъ, скомандовавшій „рысью впередъ“. Онъ назначенъ градоначальникомъ, градоначальникъ — государемъ. Значитъ, пагайками билъ студентовъ самъ государь, и протестъ противъ полицейской пагайки есть, въ сущности, протестъ противъ самодержавной власти.

Оборотъ чрезвычайно удобный для существующаго у насъ административно-полицейскаго порядка, но едва-ли выгодный для

„основъ существующаго строя.“ Въ настоящее время, — и въ этомъ одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ даннаго студенческаго движенія, которая именно и придаетъ ему значеніе общественнаго событія, — рѣшается вопросъ о томъ: признаетъ ли высшее правительство такое отождествленіе или не признаетъ. Студенты утверждаютъ, что они протестуютъ лишь противъ одной частности и что это вовсе не возстаніе противъ „основъ“... Въ интересахъ высшей русской полиціи — доказать противное. Этотъ именно вопросъ поставленъ теперь волненіемъ всей учащейся молодежи; отвѣта именно на него ждутъ опустѣвшіе храмы науки, а съ ними и русское общество.

Каковъ же будетъ этотъ отвѣтъ?

Два раза въ глубокомъ молчаніи нѣсколько тысячъ молодежи, объединенной непосредственнымъ чувствомъ негодованія, вслушивались рѣчи своего ректора, рѣчи, въ которыхъ выдающійся русскій ученый, представитель высшей учебной администраціи, ближайшій посредникъ между молодежью и правительствомъ — пытался разъяснить этой молодежи ея положеніе и призвать къ уваженію законности и права. Это были интересныя и въ высокой степени характеристичныя минуты.

Съ одной стороны — молодая толпа, цѣль русской интеллигентной молодежи, взволнованная яснымъ, очевиднымъ, всѣмъ осуждаемымъ насиліемъ, проявленіемъ произвола и безотвѣтственности. Каковы „политическія“ убѣжденія этой молодежи? Можно сказать съ полной увѣренностью, что у огромнаго большинства они еще не сложились. На одной сторонѣ здѣсь можно найти нѣкоторое количество молодыхъ людей, настроенныхъ довольно радикально. На другой стоятъ люди, всѣ семейныя и сословныя традиціи которыхъ сложились довольно опредѣленно на аристократическій и волиѣ вѣрноподаннической ладъ. Между ними расположилась масса, болѣе или менѣе близкая тому или другому полюсу. И заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что всѣ эти категоріи молодежи объединились въ общемъ чувствѣ негодованія и протеста, — различницы одинаково съ членами самыхъ аристократическихъ семей столицы.

Одно изъ существенныхъ свойствъ молодого возраста — не только самолюбивая „чуткость къ мнимымъ или дѣйствительнымъ оскорбленіямъ“, о которыхъ говоритъ г-нъ Витте, но еще и чуткость къ извѣстнымъ нравственнымъ запросамъ высшаго порядка.

Всѣ эти юпоши готовятся вступить въ жизнь и, стоя уже у ея двери, они вглядываются и прислушиваются къ тому, что ихъ ждетъ за порогомъ высшей школы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромное большинство пойдетъ обычной проторенной дорогой, доставитъ контингентъ хорошихъ чиновниковъ, учителей, техниковъ, строителей, инженеровъ, слѣдователей, судей, прокуроровъ. Жизнь еще десятки разъ небетасветъ ихъ

молодыя иллюзии и убѣжденія, и, — такъ это бывало всегда, — не одинъ изъ нынѣшнихъ ораторовъ будетъ, можетъ быть, употребить своей талантѣ, впервые проявленный на товарищескихъ сходахъ, на обвинительныя рѣчи съ прокурорской скамьи или на рѣчи въ акціонерныхъ собраніяхъ...

Но теперь всемя имъ хочется правды, все хотять вѣрить, что въ будущемъ они стануть осуществлять идеальныя начала, что всегда они будутъ на сторонѣ справедливости и добра. И они въ правѣ думать, что жизнь, куда они направляются, что строй, которому они призываются служить, требуетъ отъ нихъ именно этого и дастъ имъ именно эту возможность. Такого уже общее свойство молодежи, и страна, въ которой молодежь утратила бы это чувство, несомнѣнно должна разложиться и погибнуть.

Что же мы будемъ дѣлать съ этой чуткостью къ правдѣ, и какъ современный строй „готовится ея воспользоваться“?

Въ настоящее время весь цивилизованный мѣръ запыть вопросомъ о томъ, правильно или неправильно осужденъ еврей Дрейфусъ, бывший офицеръ французской арміи. Рѣчь идетъ лишь о судебной ошибкѣ спеціального суда и о судьбѣ одного только челоуѣка. И однако все остальные вопросы политической Европы отодвинуты на задній планъ вопросомъ: гдѣ справедливость и право въ этомъ единичномъ случаѣ?

У насъ пять тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ это дѣло выросло во Франціи до размѣровъ мірового явленія; но изъ этого не слѣдуетъ, что у насъ отсутствуютъ случаи, способные въ гораздо большей мѣрѣ задѣть чувство справедливости.

При всѣхъ колебаніяхъ въ настроеніи правящей сферы, при всей реакціи, давно уже господствующей въ нашей жизни, — пореформенный періодъ внесъ все-таки, въ общемъ, прогрессъ во многія стороны этой жизни.

Основы нашихъ судебныхъ уставовъ правильны и прогрессивны,* вѣ наши права постепенно видѣлось сознаніе права и въкотораго равенства передъ закономъ. Только наша политическая пеліція не была ни въ какой мѣрѣ захвачена этимъ общимъ прогрессомъ. И до сихъ поръ она цѣликомъ покоится на безсудности и произволѣ такъ называемаго „административнаго порядка“. Годы самаго строгаго тюремнаго или крѣпостнаго заключенія, высылка въ самыя отдаленныя мѣста, часто преждевременная смерть въ казематѣ, — все это у насъ не требуетъ ни суда, ни защиты, ни судебного разслѣдованія и приговора.

Теперь вспомните, что именно учащаяся молодежь является всегдашнимъ объектомъ, къ которому примѣняется эта система.

* Печатаемъ статью дословно, хотя и не разделяемъ взглядовъ автора на „правильность судебныхъ уставовъ“ какой бы то ни было страны.

У насъ нѣтъ гласности и свободы печати; поэтому правительство, и отчасти и общество, убаюкивается иллюзіей административной тайны. Но при этомъ забывается, что нѣтъ эти случаи становятся достояніемъ всей учащейся массы, — что, при обычной общительности въ молодой средѣ, каждый обыскъ, каждый арестъ, каждая высылка, каждая смерть въ тюрьмѣ становится достояніемъ всей этой молодежи въ массѣ. Будущему русскому юристу съ кафедры внушаются основы права и гражданской свободы, отъ которыхъ не можетъ отказываться никакой строй. Но, выйдя съ лекцій, онъ узнаетъ о десяткахъ случаевъ, гдѣ эти основы не соблюдаются самымъ беззащитнымъ образомъ по отношенію къ его сестрѣ, брату, товарищу, знакомому. Для того, чтобы приговорить лавочника къ 10 рублевому штрафу или двухдневному заключенію, законъ и установившійся практика требуютъ свидѣтельскихъ показаній, протоколовъ, защиты и судебного приговора. Но для того, чтобы держать человека мѣсяцы и годы въ крѣпости, въ Крестѣ, въ домѣ предварительнаго заключенія, въ далекой Сибирѣ, не нужно никакихъ формальностей, — достаточно одного подозрѣнія въ „неблагонадежности“ и „внутренняго убѣжденія“ жандармскаго полковника Шмакова или прокурора г-на Кичина.

Каждое поколѣніе учащейся молодежи въ теченіе своего интеллигентнаго пребыванія въ стѣнахъ заведеній является свидѣтелемъ множества этихъ драмъ, и дѣй-три изъ нихъ неизмѣнно вырастаютъ до размѣровъ истинныхъ трагедій, способныхъ оставить далеко позади десятки процессовъ Дрейфуса. Наша печать молчитъ; высшее правительство убаюкивается иллюзіей тайны, а часто и само не знаетъ всей истины. И при этомъ забываютъ, что на трагедіи, надъ которыми опущены занавѣсы, глядятъ десятки тысячъ молодыхъ глазъ, такъ какъ молодежь по самому своему положенію видитъ закулисную сторону этого „административнаго порядка“. . . Призовите любого изъ этой массы молодежи и спросите: извѣстно ли ему о дѣлѣ Костромина или о смерти Вѣтровой? — и вы увидите, что эти дѣла трагедіи кинули уже свою мрачную тѣнь на всю молодежь, принадлежащую нынѣшнему учащемуся поколѣнію.

Нужно-ли передавать подробности? М. О. Вѣтрова, молодая дѣвушка, курсистка, была арестована по какому-то подозрѣнію и заключена въ крѣпость. Здѣсь, 12 февраля 1897 года, она умерла ужасною и таинственною смертью: сгорѣла, облитая керосиномъ. Князь Мещерскій напечаталъ по этому поводу замѣтку, въ которой сообщилъ, что причина смерти этой „арестантки“ — „тайна между нею и Богомъ“. Въ обществѣ говорили объ ужасномъ насиліи, совершенномъ надъ несчастною дѣвушкой какимъ-то „низшимъ служащимъ“. Говорили также о назначеніи экстренной комиссіи для разслѣдованія дѣла подъ предѣтельствомъ А. О. Кони. Но затѣмъ все стихло.

Иллюзия безопасности и тайны опустилась еще над одной драмой, и только потрясенная молодежь сдѣлала попытку отслужить панихиду по погибшей. Но панихиды у насъ являются опаснѣйшими политическими демонстраціями. Послѣдовали новые аресты...

Черезъ 2 года разыгралась новая исторія: въ ночь на 12 марта 1898 года арестованъ въ Петербургѣ инженеръ-механикъ С. С. Костроминъ, занимавшійся статистикой и успѣвшій приобрести своими работами нѣкоторую извѣстность. Отправляясь въ тюрьму и не зная за собой никакой серьезной вины, Костроминъ говорилъ женѣ, что онъ, навѣрное, вернется черезъ нѣсколько дней. Зная, что мужъ ее человекъ въ высшей степени первый, жена начала хлопотать объ освѣдѣтельствovanіи его и объ отпадѣ на поруки или переводѣ въ больницу. 4 апрѣля Костроминъ пытался броситься внизъ съ лѣстницы въ домѣ предварительнаго заключенія и едва былъ удержанъ надзирателемъ, которому при этомъ укусаля руки, крича: „убейте меня, я не могу больше жить“. Его заперли въ камеру и дали бромистаго калия. Все это время жена, которая уже во время свиданія убѣдилась въ томъ, что мужъ ее опасно разстроенъ, — кидалась въ отчаяніи отъ одного представителя власти къ другому. Только 6-го апрѣля явился врачъ, который нашелъ Костромнина „въ состояніи, близкомъ къ умнослабительству“. Однако, и при этомъ условіи въ помещеніи Костромнина въ больницу было отказано: „политическій арестантъ“ былъ лишь переведенъ внизъ, въ такую же камеру. Вечеромъ надзиратели видѣли его сидящимъ и моющимъ блюдечко, а черезъ нѣсколько времени — онъ уже найденъ „спокойно лежащимъ на кровати“: осколками разбитаго блюдечка онъ перерѣзалъ себѣ горло.

У Костромнина были еще свѣжія связи съ недавними товарищами и вообще съ молодежью. Убитая горемъ жена его металась въ напрасныхъ попыткахъ спасти мужа не въ глухомъ лѣсу, а въ столицѣ, гдѣ десятки людей были вмѣстѣ съ нею потрясены и взволнованы. Готовилась опять „демонстрація въ видѣ панихиды“, но она не состоялась... Говорить, молодежь успокоилась, узнавъ, что жена подаетъ на дѣйствія прокурора Кичина жалобу въ законномъ порядкѣ,...

Теперь вернемся опять къ той молодежи, которая въ глубокое молчаніе слушала успокоительныя рѣчи г-на Сергѣевича. Если бы можно было вскрыть какимъ-нибудь образомъ эти молодые головы или спить эти мозги при посредствѣ какихъ-нибудь новыхъ рентгеновскихъ лучей, — можно ли сомнѣваться, что въ каждой молодой памяти, въ глубинѣ каждой молодой совѣсти — можно бы открыть эти два пятна, воспоминаніе объ этихъ двухъ драмахъ, созданныхъ безответственными полицейскимъ строемъ...

Нужны-ли „опредѣленные политическія убѣжденія“, чтобы

чувствовать ихъ давленіе, чтобы скорбѣть, негодовать, возмущаться при разсказахъ объ этихъ фактахъ?

Можно-ли сомнѣваться, что они залегли въ глубинѣ каждой души, можетъ быть, даже бессознательно, причиняя тупумъ боли, какъ отъ глубоко засѣвшей занозы.

И вотъ, при этихъ условіяхъ, молодежь сама въ цѣломъ подвергается грубому насилію отъ представителей того же полицейскаго порядка, у самаго порога университета, насилію грубому и безпричинному. Мудрено ли, что она вздрагиваетъ вся цѣликомъ, „безъ различія направленій“, точно отъ электрической искры? Нѣсколько студентовъ убито на набережной Невы, у дома № 8, — и все высшія заведенія всей Россіи остановились...

Самая непропорціональность между сравнительно мелкой причиной и огромными размѣрами послѣдствій наводитъ на размышленіе, заставляетъ искать причинъ глубже, чѣмъ простое „школьное товарищество.“ Начальство въ разныхъ учрежденіяхъ различно, — но полиція и административная безответственность одинаковы всюду, и всюду молодежь является объектомъ административнаго полицейскаго произвола.

И вотъ она ожидаетъ, что скажетъ ей ея ректоръ, посредникъ между нею и остальнымъ нашимъ строемъ. Вчера еще онъ слишкомъ беззаботно грозилъ ей той же полиціей, не забывъ даже упомянуть „о высылкахъ изъ столицы“, которая она, къ сожалѣнію, знаетъ хорошо и безъ напоминаній. Но теперь, когда она подверглась грубому нападению и насилію, — быть можетъ, она забудетъ личную обиду и вчерашніе свистки; быть можетъ, она вспомнитъ, что ректоръ — законный представитель университета, что самое положеніе обязываетъ его вернуть молодежи вѣру въ законъ и право. Можетъ быть, онъ сумѣетъ доказать, что для борьбы съ произволомъ въ нашемъ отечествѣ есть другіе пути, кромѣ не вполне законныхъ студенческихъ манифестацій.

Въ эту минуту, если бы В. И. Сергѣевичъ сознавалъ свое положеніе, если бы онъ рѣшился рискнуть своимъ официальнымъ положеніемъ для исполненія своихъ обязанностей, какъ гражданина, — онъ могъ бы заставить забыть все прежнее и заслужить общее уваженіе.

Къ сожалѣнію, ректоръ С.-Петербургскаго университета только чиновникъ, и онъ не нашелъ сказать ничего, кромѣ банально-официальной морали. Онъ распространяется о своей обидѣ, отождествляетъ себя съ верховною властью, говоритъ о неудобствахъ парламентаризма и „рѣшенія вопросовъ“ скономъ, предлагаетъ обдумать положеніе дѣлъ „наединѣ“, пытается огрѣить надъ „революціей въ домѣ № 8 по Набережной Невы“. Мы убѣждены, что у г-на Сергѣевича были самыя благія намѣренія и что въ его лицѣ чиновникъ учебнаго вѣдомства стремился исполнить искренно къ „водворенію порядка во вѣренномъ

учрежденіи.“ Но несомнѣнно также, что его разговоръ со студентами былъ настоящей бесѣдой бюрократическаго мефистофела съ юнымъ изволнованнымъ Вагнеромъ. Трезвый чиновникъ — онъ и не пытался реабилитировать „существующій строй“ передъ идеальными запросами молодежи. Онъ и не думаетъ указать ей на существованіе законнаго исхода ея чувству. Онъ только высмѣиваетъ молодое негодованіе и обращается къ тому, что, къ счастью, всего слабѣе у молодежи, — чувству страха передъ послѣдствіями. О, онъ, конечно, не отрицаетъ возмутительности самаго насилія.

„Новодъ (безпорядковъ) действительно прискорбень“, — говоритъ онъ студентамъ: — „остъ о немъ знаютъ и весь его осуждаютъ.“ „Вечеромъ (значить, до того, какъ я бесѣдовалъ съ вами) и былъ у градоначальника и просилъ его обратить вниманіе на происшедшее и подвергнуть наказанію виновныхъ. Затѣмъ я былъ у министра и сообщилъ ему даже примѣты этого поручика“. . . Но г-ну ректору хорошо извѣстно, что полиція въ Россіи судить себя сама, — и на устахъ мефистофела играетъ саркастическая улыбка.

„Я нисколько не удивлюсь, — продолжаетъ онъ беззаботно, — если мнѣ сообщать вскорѣ, что поручикъ получилъ чинъ штабъ-капитана!“ „Требовать можно всего, вы могли бы требовать даже райскихъ птицъ, но какова ихъ судьба въ нашемъ климатѣ!“ Правда, молодежь требовала только элементарной неприкосновенности личности, только ответственности полиціи передъ судомъ. Но. . . это, по мнѣнію ректора, „райскія птицы“ при нашемъ строѣ. „Средствъ борьбы (за эти элементарныя права) нѣтъ.“ Поэтому ректоръ подаетъ благой примѣръ и. . . зоветъ ту же полицію уже въ самыя университета!

Такъ говорили благонамѣренный чиновникъ, защищающій существующій строй передъ молодежью, которую обвиняютъ въ „политическомъ движеніи“. И замѣчательно, что въ ректографированномъ отвѣтѣ на эту рѣчь студенты отвѣчаютъ своему ректору, что они „далеко не такъ пессимистичны!“ Трудно рѣшить послѣ этого, что, въ сущности, болѣе разрушительно: — волнующаяся студенческая масса, вѣрищая въ возможность добиться права и при „существующемъ строѣ“, или эти ходячія формулы официальной благонадежности, эта официальная философія пизости, рекомендующая подчинять законныя чувства негодованія не праву, а только существующей силѣ?

20 февраля въ № 41 „Правительственнаго Вѣстника“ напечатано слѣдующее извѣщеніе: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8-го февраля въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ и затѣмъ распространившихся

ся на пѣкоторыя другія высшія учебныя заведенія, и о результатахъ его разслѣдованія представить на Высочайшее благовозвращеніе. Выстъ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было указать, что принятіе мѣръ къ возстановленію въ упомянутыхъ заведеніяхъ обыденнаго порядка остается на обязанности начальниковъ сихъ заведеній.“

Заявленіе это сразу внесло поту значительнаго успокоенія въ настроеніе массы учащейся молодежи, и забастовка почти всюду прекратилась въ началѣ марта. Безъ сомнѣнія, достиженію полнаго успокоенія сильно мѣшали многія обстоятельства: неопредѣленность состава „комиссій“ генерала Вапновскаго, ея чисто „административный“ характеръ, неувѣренность въ правильность ея разслѣдованія, и, всего больше, то обстоятельство, что полиція продолжала являться судьей въ своемъ дѣлѣ: „высланные изъ столицы“ студенты не были возвращены, несмотря на то, что эта мѣра вытекаетъ съ неизбежностью изъ самаго назначенія разслѣдованія: студенты эти наказаны уже той самой властью, дѣйствія которой могутъ еще быть признаны неосновательными.

Въ Москвѣ высылка достигла больше 1000 студентовъ; въ Харьковѣ весь университетъ оказался уволеннымъ, и студентамъ предложено подавать новыя прошенія.

Какъ бы то ни было, разслѣдованію генерала Вапновскаго и имѣющему за нимъ послѣдовать рѣшенію — предстоптъ важная, почти историческая задача: отдѣлить дѣло административнаго произвола, осуждаемаго всемъ обществомъ, отъ „основъ существующаго строя“, или еще разъ засвидѣтельствовать ихъ солидарность и неотдѣлимость. . . Разслѣдованіе, если оно должно быть „всестороннее“, не можетъ ограничиться виновностью или оправданіемъ „поручика“, за которымъ стоятъ, быть можетъ, гораздо болѣе виновные г.г. Кичины, Шмаковы, Пирамидовы, наконецъ весь строй безотвѣтственности. Оно должно выяснить настоящее значеніе явленія, указать, почему, несмотря на перемѣны въ уставахъ, въ программахъ, въ общественныхъ настроеніяхъ, — такъ называемые, студенческіе безпорядки проходятъ черезъ всю исторію послѣднихъ десятилѣтій, отъ времени до времени глубоко потрясая все общество. Наконецъ, никогда еще, даже въ разгарѣ жгучаго революціоннаго броженія, — эти волненія не принимали такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ именно въ послѣднее, сравнительно тихое время!..

Вѣрить-ли молодежь въ плодотворность миссій генерала Вапновскаго или сомнѣвается въ ней — сказать трудно. Кажется, скорѣе послѣднее. Во всякомъ случаѣ, — она прекратила безпорядки и выжидаетъ результатовъ.

Подводя итоги, мы можемъ сказать, что настоящее движеніе не было несомнѣнно вызвано никакими политическими партіями, но также несомнѣнно, что оно возбуждено *политическими причинами.*

М
явл
про
тич
С
ход
И
фор
пан
шес
ея
пли
дов
ств
вни
не
ской
бол
того
тор
сать

Из

..
рван
этой
чтоб
же л
ту о
кого
февр
пост
ство
ческ
Чел

*)
всего

Молодежь съ болѣзненной чуткостью отделилась на общее явленіе, которое называется административно-полицейским произволомъ и составляетъ язву нашего гражданского и политическаго строя.

Сознають ее всѣ классы общества, но расматриваются приходяте, главнымъ образомъ, молодежи.

И, быть можетъ, студенческія волненія — самая тяжелая форма раслаты и для молодежи, и для общества. Лучшая, наиболее энергичная и, пожалуй, наиболее честная часть юности отбрасывается на житейскія бездорожья. Ея чуткость, ея энтузіазмъ, способность къ сильнымъ душевнымъ движеніямъ или терлется для Россіи, или направляется на неканіе выходовъ нелегальныхъ. Въ распоряженіи же общества и государства остается разбитое, познавшее стыдъ, чувствующее свою вину передъ погибшими товарищами большинство, которое, еще не вступивъ въ жизнь, уже преклоилось предъ мефистофельской мудростью. И если когда-нибудь представителямъ этого большинства, какъ нѣмцъ Сергѣевичу, выдаться на долю защита того строя, которому они служатъ, — они, какъ нѣмцъ ихъ ректоръ, не найдутъ сказать ничего, кромѣ сарказмовъ, и пригласятъ всѣхъ къ подчиненію, потому что... это все-таки сила.

N. N.

III.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ПЕРІОДУ ДВИЖЕНІЯ.*)

Изъ бюллетеня 6-го дня по закрытіи университета.

... Сегодня приступили къ высылкѣ, и уже 70 человекъ вырваны изъ нашихъ рядовъ. Въ настоящемъ составѣ мы издаемъ этотъ бюллетень въ послѣдній разъ. Мы позаботились о томъ, чтобы наши преемники продолжали дѣло безъ перерыва. Мы же въ своемъ завѣщаніи желаемъ только еще разъ высказать ту основную точку зрѣнія, на которой мы все время стояли, и которую приняли и одобрили собранія студентовъ 9, 10 и 11 февраля. Настоящій протестъ — протестъ человѣческой личности, поруганной въ самыхъ элементарныхъ правахъ. Существованіе высшихъ учебныхъ заведеній, при отсутствіи человѣческаго достоинства, является логическимъ противорѣчіемъ. Человѣческое достоинство несовмѣстимо съ казациою плетью.

*) За недостаткомъ мѣста, мы приводимъ здѣсь только небольшую часть всего накопившагося у насъ матеріала.

Поэтому мы закрываем Университет до тех пор, пока не будут даны прочи я гарантіи личной неарикосновенности и судебной отвѣтственности ея нарушителей.

Требованія наши такъ скромны, что мы не можемъ уступить ни въ одномъ словѣ. И такъ — закрытіе Университета, непрерывно, ожесточенно, всѣми средствами, которыхъ будутъ требовать обстоятельства. Вотъ программа дѣйствительныхъ дѣйствій.

Если даже полиція перестанетъ осаждать Университетъ, но нѣкоторые профессора начнутъ чтеніе лекцій, то и тогда нужно держаться прежняго образа дѣйствій. Послѣ того, что произошло, какъ для студентовъ, такъ и для профессоровъ низко и позорно возмѣщаться въ позорныя стѣны — до удовлетворенія нашихъ требованій. Пусть снова высылаютъ, пусть разгромить и запереть, но добровольно мы не сдадимся. Тѣ изъ насъ, кто будутъ удалены съ поля борьбы, кромѣ сознанія и исполненнаго долга, найдутъ правдивую поддержку въ не ослабляющихъ силѣ, энергіи и единодушій движенія.

Мы избрали мирную борьбу для осуществленія нашей цели.

Ишлись люди, которые заставили насъ прибѣгнуть къ обструкціи.

Ректоръ Сергѣевичъ и профессора, читавшіе лекціи въ присутствіи городовыхъ, несутъ отвѣтственность за это. Имена Сергѣевича, Фойнцкаго, Исаева, Ведрова и Георгіевскаго наши наслѣдники запишутъ на позорномъ столбѣ.

Эти люди не должны болѣе появляться въ университетъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что среди студентовъ нашлось только 10 — 20 человекъ, рѣшившихся противиться общему рѣшенію.

Товарищи! Многихъ изъ насъ уже нѣтъ, многіе оставятъ строй въ эту ночь. Оставшіеся мы несемъ начатое дѣло, дѣло не только студенческое, но и общественное. Оливъ изъ арестованныхъ сегодня сказать, обращаясь къ окружавшимъ товарищамъ: „*Больше стойкости!*“ Запомнимъ-же эти слова! Средство, избранное нами, оказалось дѣйствительнымъ. Несмотря на всю силу, русское правительство принуждено считаться съ закрытіемъ всѣхъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга — съ общимъ протестомъ 10,000 человекъ.

Касса Взаимопомощи

Студентовъ С.-Петербургскаго Университета.

16-го февраля, С.-Петербурга.

Изъ частнаго письма.

... Въ Петербургѣ существуетъ Коммерческое Училище. До самаго послѣдняго времени состояло оно изъ 6-ти общихъ классовъ и 2-хъ специальныхъ. Два года тому назадъ былъ прибавленъ III-ій специальный классъ. Воспитанники этого класса находи-

лись
ной
конф
был
заба
вилл
мнѣ
очен
толп
нежн
чина
къ о
эти
въ у
моих
прой
двое
шего
съ го
да-же
поли
дожн
что
вдруг
намъ
участ
Тог
ишь
яди-н
нть
наше
болѣ
класс
Учре
Стали
то по
ствін.
Не сл
птобъ
ствуе
тому
манн
набаст
Но
балла
III-ий
то в
всего

лись на особомъ положеніи и пользовались почти неограничен-
ной свободой. — ее они сами заговаривали послѣ нѣлаго ряда
конфликтовъ съ начальствомъ. Какъ только у насъ (я самъ
былъ въ III-емъ спец. кл. въ прошломъ учебномъ году) узнали о
забастовкѣ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы присоеди-
нились къ забастовавшимъ. Лекціи у насъ прекратились,
мы по утрамъ ходили къ университету, гдѣ бывали свидѣтелями
очень интереснхъ сценочекъ: на панели, у набережной, стоятъ
толпа публики — смотритъ, какъ загоняютъ студентовъ въ ма-
нежь. Полиція приглашаетъ публику разойтись — публика на-
чинаетъ гулять. Околопочини и пристава обращались всегда
къ отдѣльнымъ лицамъ съ предложеніемъ „расходиться“, и если
эти лица не уходили сейчасъ-же, то ихъ преспокойно забирали
въ участокъ. Обращается однажды полицейскій къ одному изъ
моихъ товарищей: тотъ возразилъ, что публики такъ много, что
пройти черезъ толпу никакъ нельзя. Вдругъ видимъ мы, какъ
двое городовыхъ тащатъ самымъ безцеремоннымъ образомъ на-
шего товарища съ высокой панели, сажаютъ его на извозчика
съ городовымъ и вдутъ въ участокъ; мы всѣ отправляемся ту-
да-же. Въ участкѣ видимъ нѣсколько человекъ, возмущенныхъ
полицейскимъ произволомъ. Одинъ изъ нихъ, оказавшійся худ-
ожникомъ, — обращается къ намъ: „вы вѣдь видѣли, господа,
что я буквально ничего не дѣлалъ. Шелъ домой обѣдать, и
вдругъ такая исторія.“ Но освободить ни его, ни товарища
намъ не удалось, — добились только того, что насъ всѣхъ въ
участкѣ переписали.

Товарища нашего отпустили черезъ нѣсколько часовъ, и то
лишь благодаря энергическому заступничеству со стороны его
яди-генерала, который самъ явился въ участокъ и сталъ разво-
дить полицію совсѣмъ по-генеральски. Въ училищѣ начальство
наше было чрезвычайно встревожено нашимъ поведеніемъ, тѣмъ
болѣе, что волненіе начало передаваться въ I-ый и II-ой спец.
классы. Про нашу забастовку стало извѣстно и въ Вѣдомствѣ
Суржед. Импер. Маріи, куда принадлежить наше училище.
Стали оттуда появляться чиновники. Стали появляться и какіе-
то полицейскіе. Кончилось тѣмъ, что, какъ мы узнали впослед-
ствіи, насъ едва не закрыли и не выслали изъ Петербурга.
Не случилось этого оттого, что нашему начальству не хотѣлось,
чтобъ всѣмъ стало извѣстнымъ, какого рода направленіе господ-
ствуетъ въ училищѣ — въ среднемъ учебномъ заведеніи. По-
этому директоръ и Ко. упорно отрицали, разговаривая съ при-
манными чиновниками и съ полиціей, существованіе у насъ
забастовки.

Но намъ начальство этого не простило и вынудило съ 11-ю
баллами по поведенію (вм. 12-и) Поэтому всѣмъ, кончившимъ
III-ій сп. кл. въ этомъ году, чрезвычайно трудно получить мѣ-
сто въ Россіи. Насколько мнѣ извѣстно, пока только одинъ изъ
всего выпуска получилъ мѣсто. Остальные ищуть, но не находятъ.

Список забастовавшихъ учебныхъ заведеній.

Присоединились къ движению въ первый періодъ:

С.-Петербургскій университетъ	3694 чел.	10 фак.
Московскій университетъ	4500 чел.	16 фак.
Кіевскій университетъ	2796 чел.	17 фак.
Варшавскій университетъ	— чел.	18 фак.
Технологическій институтъ	1054 чел.	12 фак.
Институтъ Путей Сообщенія	888 чел.	12 фак.
Лѣсной институтъ	502 чел.	12 фак.
Горный институтъ	480 чел.	12 фак.
Медицинская Академія	750 чел.	12 фак.
Электротехническій институтъ	233 чел.	12 фак.
Инст. Гражданскихъ Инженеровъ	353 чел.	13 фак.
Историко-Филологическій институтъ	90 чел.	15 фак.
Академія Художествъ	258 чел.	14 фак.
С.-Петербургская Духовная Академія	252 чел.	—
Женскій Медицинскій институтъ	370 чел.	12 фак.
Курсы Физич. Восп. (Тесгафта)	200 чел.	12 фак.
Высшіе Женскіе Курсы	960 чел.	13 фак.
Рождественскіе Курсы	236 чел.	13 фак.
Женскіе Педагогическіе Курсы	166 чел.	16 фак.
Московское Техн. Училище	1000 чел.	15 фак.
Московскій институтъ Инженеровъ		18 фак.
Путей Сообщенія		18 фак.
Московскій Сельско-Хозяйственный институтъ		17 фак.
Кіевскій политехникумъ		17 фак.
Рижскій политехникумъ	1500 чел.	18 фак.
Институтъ въ Новой Александріи		16 фак.
Зубоврачебные Курсы		

Вслѣдствіи къ движению присоединились также университеты: Харьковскій, Юрьевскій, Одесскій, Томскій и Казанскій.

Петербургскому студенчеству отъ всего русскаго студенчества Женевскаго университета.

Товарищи! До насъ дошло извѣстіе о вашемъ благородномъ протестѣ противъ возмутительнаго гнета и произвола царскаго правительства и о вашемъ смѣломъ отстаиваніи правъ свободнаго университета. Не имѣя возможности личнымъ участіемъ выказать вамъ наше горячее сочувствіе, мы шлемъ вамъ искренній привѣтъ.

Здѣсь, въ странѣ политической свободы, весь ужасъ русскаго безправія еще виднѣе. Предъ нами, какъ живая, встаетъ

родн
гдѣ
своб
канд
инст
прив
Съ в

До
выра
един
палож
разви
Мы
тъхъ
казац
тели
освоб
все ж
Мы
нера
деній,
русск
честв

Нача

Въ
стали
равно
рица
лодых
позета
учебн

родная наша страна съ голодающимъ крестьянствомъ, — страна, гдѣ правительство, какъ гробовая крышка, навалилась на все свободныя проявленія личности, страна, гдѣ лягъ цѣней и звонъ кандаловъ заглушаютъ крики поруганнаго человѣческаго достоинства! Въ такой странѣ можетъ быть понятенъ только одинъ призывъ, — призывъ къ активной борьбѣ. Смѣлѣй, товарищи! Съ вами и за васъ все честное и благородное.

Русское студенчество.

Женева, 8-го марта 1899 года.

Отъ Бернскихъ студентовъ и студентокъ.

Дорогіе товарищи! Мы, бернскіе студентки и студенты, выражаемъ наше товарищеское сочувствіе вашей мужественной, единодушной борьбѣ противъ насилія русскихъ властей, противъ палоченія грубой полицейской руки на науку и ея свободное развитіе.

Мы эпергично протестуемъ противъ азіатскаго произвола и тѣхъ порядковъ, которые даютъ возможность расправляться казацкими пагайками съ лучшей, передовой частью нашего интеллигентнаго общества, давно уже выступившаго на борьбу за освобожденіе русскаго народа отъ гнета, убивающаго въ немъ все живое и прогрессивное.

Мы глубоко убѣждены, что наши товарищи не ослабнутъ въ неравной борьбѣ, пока не добьются свободы науки и ея учреждений, пока не падетъ то ярмо, которое тяготѣетъ надъ всею русской жизнью. Да здравствуетъ русское борющееся студенчество!

Бернскіе студенты и студентки.

Секретный циркуляръ

Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати редакціямъ періодическихъ изданій.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться часто статьи о студенческихъ волненіяхъ, а равно письма и объявленія о прекращеніи высылки газетъ, порицающихъ студенческіе безпорядки. Ко вреду учащихъ молодыхъ людей, такія публикаціи не только не способствуютъ восстановленію нормальнаго порядка въ средѣ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, но, напротивъ, поддерживаютъ возбужденіе

молодежи и косвенно поощряют ее къ дальнѣйшей неурядицѣ и тѣмъ самымъ парализуютъ усилія учебнаго вѣдомства къ возстановленію нормальнаго порядка въ университетахъ и къ умноженію студентовъ.

По приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 140 уст., Главное Управленіе по дѣламъ печати предлагаетъ редакціямъ повременныхъ изданій не касаться болѣе безпорядковъ, происходившихъ въ средѣ учащихся въ университетахъ и остальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и прекратить печатаніе объявленій о нежеланіи разныхъ личностей продолжать получение газетъ, не сочувствующихъ студенческимъ безпорядкамъ.

Подлинный подисаль:

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати

Соловьевъ.

17-го марта 1899-го года.

IV.

КОМИССІЯ ВАННОВСКАГО.

Комиссія Ванновскаго была назначена 20-го февраля. Но еще до назначенія этой комиссіи стали высылаться безъ суда и слѣдствія многіе участники движенія. Такъ это было въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ. На высылаемыхъ указывала полиція университетская администрація — ректоры, инспекторы и четыре его помощника (въ С. Петербургѣ), причемъ перѣдко въ число высылаемыхъ попадали лица совершенно непрічастныя къ движенію. Поэтому, назначеніе комиссіи имѣло двойное вліяніе на учащихся.

Одни, болѣе дальновидные, понимали, что отъ комиссіи ожидать нечего. Это имъ доказывала, во-первыхъ, высылка товарищей, которые все еще сидѣли въ разныхъ городахъ и селеніяхъ имперіи и не возвращались даже для свидѣтельскихъ показаній, а, между тѣмъ, въ ихъ числѣ были довольно многіе пострадавшіе отъ нагаскѣ 8-го февраля. Доказывали это также состоявшіеся немногіе допросы пребывавшихъ въ Петербургѣ студентовъ, на которыхъ выяснилось, что комиссія носитъ чисто полицейскій характеръ, допытывается фамилій товарищей на сходкахъ студентовъ, старается проникнуть въ организацію Петербургской Студенческой Кассы Взаимопомощи, разспрашиваетъ о совершении постороннихъ дѣлу обстоятельствахъ (напр., о студенческихъ вечеринкахъ, обыкновенно сираваемыхъ 8-го февраля) и т. д. Кроме того, комиссія заставляла студентовъ, замѣшанныхъ въ какія-нибудь политическія дѣла, налагать въ протоколахъ эти дѣла, причемъ не прови-

и неурядиц и
мства къ воз-
хъ и къ уми-

основаніи ст.
едлагаетъ ре-
безпорядковъ,
ситетахъ и
ратить печат-
продолжати
мъ безпоряд

пяти

Соловьевъ.
1899-го года.

Февраля. По
ся безъ суда
было въ Пе-
хъ указывала
, инсекторъ
немъ перѣдко
о непричаст-
мѣло двойное

тъ комисіи
высылка то-
одахъ и се-
дѣтельскихъ
ольно многіе
ли это такъ
въ Петер-
комиссія по-
амилій гово-
кнутъ въ ор-
ципомощи,
обстоятель-
обыкновенно
комиссія за-
ль политиче-
ль не прови-

нившимся ни въ чемъ предлагали выразить въ протоколѣ рас-
казаніе и обѣщаніе впредь не участвовать въ движеніи. Однимъ
словомъ, для одной части студентовъ было ясно, что цѣль ком-
мисіи — выставить на показъ, что движеніе вызвано некото-
рыми политически неблагонамѣренными лицами, и, кромѣ того,
фамильярничаньемъ и любезничаньемъ съ некоторыми изъ до-
прашиваемыхъ постараться успокоить умы взволнованной моло-
дежи. „На дѣлѣ же генераль Ваншовскій даже категорически
заявилъ, что студенты не останутся безъ наказанія за февраль-
ское движеніе“, — говорится въ студенческомъ воззваніи „Къ
товарищамъ“ отъ 18-го марта.

Но другая, тоже значительная часть студенчества, смотрѣла
на комисію совсѣмъ иначе. Нельзя сказать, чтобы она особен-
но довѣряла комисіи. Истѣ, этого не было. Но она руково-
дилась въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе побочными причинами, и
назначеніе комисіи служило ей по большей части прикрыті-
емъ этихъ причинъ. Они громко заявляли, что одно назначе-
ніе комисіи уже такой успѣхъ, что студенчеству больше и же-
лать нечего, что, продолжая безпорядки, студенты выразили бы
явное недоувѣріе къ монаршему слову и пошли бы противъ самого
государя, лишились бы сочувствія общества и т. д.

Не малое вліяніе имѣли тоже развѣзды министровъ по раз-
нымъ учебнымъ заведеніямъ С. Петербурга, любезничанье съ
студентами и рѣчи ихъ о томъ, что, дескать, пошамали уже
доволь, пора опять за дѣло приниматься. Наконецъ, страхъ за
личную карьеру, слухи, что въ комисіи будто бы участвуютъ
всѣми уважаемая лица, — какъ академики Бекетовъ и Фамин-
цинъ, и что дадутъ студентамъ различныя права и привилегіи,
— довершили остальное.

На сходкѣ 1-го марта, разрѣшенной ректоромъ и проеходя-
щей въ присутствіи ректора, усурѣренные все-таки еще въ се-
бѣ антиобструкціонисты принимали всѣ мѣры, чтобы провалить
обструкцію. При подсчетѣ голосовъ оказалось, что забастовка
отклонена, хотя большинствомъ лишь одного голоса, и что,
слѣдовательно, рѣшено увовать на комисію. Къ подобному
результату пришли другія учебныя заведенія Петербурга еще
до 1-го марта. Среди нихъ особенно усердствовала Военно-
Медицинская Академія и Институтъ Путей Сообщенія. Разумень-
ется, что рѣшеніе, принятое въ С.-Петербургскомъ университетѣ,
вскорѣ распространилось и на другіе университеты, за исклю-
ченіемъ Кіевского.

Но спокойствіе было чисто виѣшнее. Недовольство прояв-
лялось уже, во-первыхъ, въ требованіи возвращенія выславшихъ
товарищей и принятія ихъ обратно въ университетъ. Были
сдѣланы учебному начальству довольно рѣшительныя за-
явленія, что, если до 15-го марта не будутъ возвращены това-
рищи, то безпорядки возобновятся. На этотъ разъ, начальство,
вѣроятно, не пугавшись громадныхъ размѣровъ движенія и видя

безмысленность самого наказания побитыхъ, поддавалось, и еще раньше назначеннаго студентами срока полиція и учебное начальство попросили вернуться обратно всѣхъ тѣхъ, которые были высланы изъ Петербурга, впродъ безъ права проживаніе въ какомъ бы то ни было университетскомъ городѣ. На высланныхъ было наложено для виду небольшое наказаніе (трехдневный карцеръ), которому вернувшіеся въ большинствѣ случаевъ не повиновались, считая его неправильнымъ.

Казалось, что уже полное спокойствіе возстановлено, и, можетъ быть, оно и дѣйствительно такъ вышло бы, если бы начальство не поскупилося на амнистію и вернуло бы и всѣхъ высланныхъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Но, вѣроятно, оно желало наказаніемъ провинціальныхъ университетовъ отстранить ихъ отъ вмѣшательства впродъ въ подобныя движенія. Однако расчетъ оказался не вполне вѣрный.

Дѣло обсуждалось на сходкѣ 18-го марта въ Петербургскомъ университетѣ, и подавляющимъ большинствомъ рѣшено было возобновить забастовку и распространить ее также и на экзамены и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены и приняты безъ наказанія обратно всѣ пострадавшіе въ этомъ движеніи товарищи всѣхъ университетовъ.

Возобновившееся движеніе, выходящее на этотъ разъ изъ Кіева, опять очень быстро распространилось на всѣ учебныя заведенія имперіи. На этотъ разъ правительствомъ рѣшено было поступать съ забастовавшими построже. Ко всѣмъ забастовавшимъ заведеніямъ примѣнили слѣдующую мѣру: исключали всѣхъ съ правомъ подачи прошенія объ обратномъ приѣмѣ, причемъ ректоры могли принять или не принять. При прошеніи присовокуплялось обѣщаніе впродъ въ точности повиноваться всѣмъ университетскимъ правиламъ, не собираться на сходки и т. п.

Петербургскіе студенты уже до увольненія знали отъ кіевскихъ товарищей объ этой мѣрѣ, и заблаговременно уже рѣшено было подавать всѣмъ прошенія съ вынужденнымъ заявленіемъ о повиновеніи правиламъ, такъ какъ большинству казалось, иначе отстаивать свои права было бы невозможно. Надо, впрочемъ, прибавить, что не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ была принята подобная резолюція. Студенты Томскаго университета, напр., рѣшили вовсе не подавать прошеній объ обратномъ приѣмѣ до исполненія ихъ требованій, и не принудили ихъ къ этому даже такой мѣры, какъ угрозы мѣстнаго полицеймейстера неподававшихъ прошеніе и подлежащихъ призыву сдать въ солдаты.

Такъ какъ мартъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ, то университетское начальство порѣшило не возобновить для вновь принятыхъ лекцій, такъ какъ въ такомъ случаѣ имъ прямо-таки невозможно было бороться противъ мирной забастовки студентовъ, а приступить послѣ 2 — 3 недѣльнаго чтенія (за все полугодіе) лекцій, прямо къ экзаменамъ. Притомъ примѣнялась

та
де
по
бр
на
вс
пр
ва
пр
Ме
рѣ
ру
эк
мо
вс
не
рѣ
П
вой
30-
там
уни
На
сот
цей
Нол
ли,
сар
ноч
час
П
гроз
чел
Нев
зеп
ном
одѣ
пѣс
ско
уча
В
когд
не
рес
стол
В
озна
пото

лось, и еще
учебное па-
хъ, которые
проживание
дѣ. На вы-
зание (грех-
шности слу-

лепо, и, мо-
если бы па-
бы и всѣхъ
. Но, въро-
иверситетовъ
ны движени.

ербургскомъ
ршено было
е и на экза-
возвращени
іе въ этомъ

ь разъ изъ
вѣс учебны
омъ ршено
вѣмъ забав-
у: исключали
пріемъ, при-
ри прошеніи
повиноваться
и на сходки

тъ кievскихъ
ршено было
епіемъ о по-
лось, иначе
а, впрочемъ,
ла принята
тега, напр.,
пріемъ до
этому даже
неподавав-

олдаты.
о универси-
новъ припи-
прямо-таки
вни студен-
а все полу-
римънялась

такая мѣра: приглашались на экзаменъ небольшія группы сту-
дентовъ въ разные часы, входъ въ университетъ обставлялся
полиціей, пропускаясь въ университетъ только особенные из-
бранники, по особымъ билетамъ и то въ одиночку. Но, несмотря
на всѣ мѣры предосторожности, проникали въ университетъ
все-таки забастовщики, дѣло дошло до объясненій на экзаменахъ,
причемъ нѣкоторые профессора отказались экзаменовать, и то-
варищъ почетителя общалъ хлопотать передъ министромъ о
прекращеніи экзаменовъ, немилыхъ при подобныхъ условіяхъ.
Между тѣмъ не принятымъ студентамъ оставалось только смот-
рѣть, какъ одинъ или два десятка антибастовщицъ, иди
рука объ руку съ готовымъ на все начальствомъ и нѣкоторыми
экзаменаторами, губили общее дѣло. Конечно, дѣло долго не
могло оставаться въ такомъ положеніи. И дѣйствительно, безъ
всякихъ сходовъ, молчаливо было ршено привести въ испол-
неніе скрытое желаніе всѣхъ забастовщиковъ выступить болѣе
ршиительно противъ небольшой группы экзаменовавшихся.

Встрѣчаясь, въ большинствѣ случаевъ, въ студенческой столо-
вой, забастовщики передавали другъ другу, что ршено собираться
30-го марта къ десяти часамъ около университета, стараться
тамъ переубѣждать, въ случаѣ надобности не пропускать въ
университетъ отдѣльных, желающихъ экзаменоваться лицъ.
На другой день около университета собралось слишкомъ пятъ-
сотъ студентовъ, встрѣченныхъ такимъ же количествомъ поли-
цейскихъ. Когда они—на приглашеніе полицеймейстера барона
Полькена разойтись—отказывались это дѣлать, всѣхъ ихъ забра-
ли, отвели въ манежъ и заставили въ этомъ холодномъ, сыромъ
сарай оставаться безъ пищи съ 10 часовъ утра до 3-хъ часовъ
ночи. Потомъ развозили всѣхъ на извозчикахъ по разнымъ
частямъ и тюрьмамъ столицы.

Помѣщеній оказалось слишкомъ недостаточно для такого
громднаго количества арестованныхъ. Такъ напр. около 150
человѣкъ были помѣщены въ казармахъ городскихъ Александро-
Невской части, причемъ всѣ должны были спать въ одной ни-
зенькой комнатѣ, — тѣсно сбитые другъ подле друга на гряз-
номъ полу и столъ же грязныхъ тюфякахъ безъ подушекъ, безъ
одеяла. Само собою понятно, что на первое же утро оказалось
нѣсколько заболѣвшихъ отъ недостатка воздуха и пищи и нѣ-
сколько лишившихся чувствъ, которыхъ тогда отправили въ
участковую больницу.

Въ этомъ помѣщеніи арестованныхъ держали дня три, и
когда, на приглашеніе разѣзжаться изъ столицы на свой счетъ,
не всѣ этому послѣдовали, то унорствующихъ перевели въ пер-
ресыльную тюрьму для отправленія этапнымъ порядкомъ изъ
столицы на разныя мѣста жительства.

Въ пересыльной тюрьмѣ опять задержка, опять дня три
ознакомленіе со всѣми прелестями пересыльныхъ тюремъ, и
потомъ, наконецъ, отправленіе съ конвойнымъ по городу на

станцію желѣзной дороги. Надо упомянуть, что власти все-таки не рѣшились выслать такое громадное количество этапнымъ порядкомъ и стали выдавать прогонимыя.

На станціи отправляемыхъ ожидала масса сочувствующей публики. Видѣлись заслуженные профессора, много военныхъ, дамъ, студентовъ, курсистокъ. Раздаются пѣсни, амаема Богольновымъ, Горемыкинымъ. Проводы повторяются нѣсколько дней на всѣхъ станціяхъ, и толпа достигаетъ нерѣдко громадной цифры нѣсколькихъ тысячъ. Полиціи это, конечно, неприятно. Надо же что-нибудь дѣлать, чтобы прекратить подобныя, на ихъ изгладь, безобразія. И вотъ она опять, конная, бросается на мирно расходящуюся толпу, разгоняетъ ее, производитъ повсюду безпорядки и смятеніе. Въ городахъ, гдѣ полиціи недостаточно, какъ напр. въ Кіевѣ, Харьковѣ, объявляется военное положеніе и призываются войска, такъ какъ полиціи не справиться съ многочисленной толпой. Особенно свирѣствовала полиція въ г. Ригѣ, гдѣ, при мирныхъ проходахъ выслаемыхъ, полиція тайкомъ арестовала одного студента Штейна, подозреваемого въ числѣ зачинщиковъ, и, заточивъ его въ темную комнату жандармскаго отдѣленія, жестоко избила. Но здѣсь это тоже кончилось не совсемъ удачно для полиціи, такъ какъ товарищи арестованнаго, узнавъ о случившемся, энергично запротестовали, отправившись ночью въ полицейское управленіе, гдѣ добились освобожденія арестованныхъ, потомъ отправились къ замку губернатора, гдѣ получили обѣщаніе, что дѣло будетъ подробно разслѣдовано.

Послѣ таковыхъ массовыхъ выслоекъ изъ всѣхъ университетскихъ городовъ, движеніе, конечно, немного затихло, и тѣ изъ экзаменаторовъ и экзаменованныхъ, которые окончательнo потеряли стыдъ и совѣсть, могли подъ усиленной охраной полиціи уле безъ помѣхи довершить свое позорное занятіе.

Правительство, вынужденное громадными размѣрами движенія, наконецъ рѣшилось дать отчетъ о всемъ движеніи. 2-го апрѣля появилась въ Правительственномъ Вѣстникѣ статья, которая довольно безуспѣшно и часто противорѣчиво старалась выставить движеніе, какъ вызванное усиліями нѣкоторыхъ неблагонадежныхъ лицъ, причемъ неоднократно прибѣгало къ искаженію цифръ, фактовъ, касающихся объема и смысла движенія.

Послѣ доклада комиссіи Ванновскаго, ничего существеннаго и всесторонняго въ себѣ не заключающаго, послѣдовала царская резолюція: выговоръ студентамъ, полиціи и обществу! . . .

Изъ распоряженій правительства, послѣдовавшихъ позже и задѣвающихъ это движеніе, упомянемъ о распоряженіи принимать всѣхъ обратно, за исключеніемъ тѣхъ, которые исключены съ лишеніемъ права вступленія въ какое бы то ни было высшее учебное заведеніе. Это распоряженіе даетъ поводъ надѣяться, что безпорядки возобновятся осенью, такъ какъ

требованіе студентовъ, ѣднмю яернаго главнаго требованія, гласитъ, чтобы были приняты обратно все безъ исключенія пострадавшіе въ этомъ движеніи товарищи, и оно еще не уважено.

Затѣмъ можно указать еще на предполагаемое устройство для студентовъ чайныхъ вечеровъ, съ преніями и литературными занятіями подъ ближайшемъ надзоромъ учебнаго начальства.

Не могутъ успокоиться участники движенія такими результатами своихъ усилій. Не могутъ успокоиться, вспоминая участь товарищей, тѣхъ товарищей, съ которыми они такъ глубоко согласны, которыхъ они считаютъ такъ глубоко правыми и которые съ марта мѣсяца содержались въ одиночномъ заключеніи за то только, что они на сходкахъ послужили выразителями общаго мнѣнія и приняли на себя трудъ собирать свѣдѣнія о движеніи и излагать ихъ письменно. Не могутъ они успокоиться еще потому, что этихъ товарищей держали до іюля мѣсяца въ тюрьмѣ и *выпустили только послѣ четырехъ дней добровольной голодовки* и то только часть ихъ.

Движеніе, быть можетъ, затихло на время, но только на время, потому что недовольство не успокоится до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены первыя требованія, пока не будутъ даны гарантіи неприкосновенности личности, пока личность не будетъ ограждена отъ дикаго произвола самодержавной администраціи.

Студентъ С.-Петербургскаго университета.

Іюль 1899-го года.

V.

МАТЕРІАЛЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КО ВТОРОМУ ПЕРІОДУ ДВИЖЕНІЯ.

Отъ Организационнаго Комитета Петербургскаго Университета.

Организационный Комитетъ считаетъ необходимымъ обратиться къ товарищамъ съ послѣднимъ словомъ, которое окончательно выяснило бы его программу и его отношеніе къ настоящему движенію и разсѣяло нѣкоторыя возникшія по поводу его послѣднихъ шаговъ недоразумѣнія. Этотъ листокъ будетъ служить такимъ образомъ, съ одной стороны, оправдательнымъ документомъ дѣятельности Комитета, а съ другой, какъ мы позволяемъ себѣ думать, и заключительнымъ словомъ настоящему движенію. Прежде всего необходимо выразить протестъ самаго Организационнаго Комитета. На сходкахъ 9, 10 и 11 февраля въ университетѣ выяснилось два теченія. Предста-

нители и ораторы одного стояли за подачу петицій о разслѣдованіи событія 8-го февраля, въ которой они желали поставить и вѣчный вопросъ объ измѣненіи устава. Представители второго выставили программу совершенно противоположную; сходки приняли ее подавляющимъ большинствомъ голосовъ, уполномочивъ ихъ осуществить эту программу. Изъ этихъ лицъ и образовалась первая группа Организационнаго Комитета въ числѣ семи человекъ. 15-го числа четверо изъ нихъ были исключены изъ университета и послѣ ареста высланы изъ Петербурга. Ихъ мѣсто заняли четверо кандидатовъ, избранныхъ первой группой на этотъ случай, и, такимъ образомъ, составила вторая группа Организационнаго Комитета. Черезъ день и изъ этой группы были высланы одишь. Программа, выставленная нами и принятая на сходкѣ, состояла въ слѣдующемъ. Мы исходили изъ того положенія, что люди, чловѣческое достоинство которыхъ поругано и которые настолько уважаютъ себя, что не могутъ съ этимъ поруганіемъ примириться, должны прежде всего протестовать и, конечно, требовать не только удовлетворенія за случившееся, но и обезпеченія на будущее время отъ возможности повторенія подобныхъ фактовъ. Что же касается петицій о дарованіи всякихъ льготъ, то мы считали совершенно не совместимымъ съ чувствомъ достоинства пользоваться подобнымъ поводомъ для выпрашиванія этихъ льготъ. Мы протестовали не только противъ даннаго событія; мы не могли ограничиться требованіемъ его разслѣдованія, предполагая даже, что оно будетъ вестись правильно. Мы разсматривали данное событіе, какъ единичный фактъ господствующаго въ Россіи строя, основаннаго на произволѣ безгласности и полной необезпеченности или даже отсутствіи самыхъ необходимыхъ, скажемъ болѣе, — священныхъ правъ развитой чловѣческой личности. Протестъ нашъ былъ, такимъ образомъ, *протестомъ противъ царящаго въ Россіи произвола*, единственную гарантию противъ котораго мы видѣли въ *законѣ* и его неприкосновенности. Въ данномъ случаѣ мы требовали судебной ответственности полиціи. Мы протестовали во имя права и закона противъ произвола и насилія. Мы прекрасно понимали, что въ Россіи на указанной почвѣ можно только протестовать, но получить удовлетвореніе, тѣмъ болѣе усиліями одной только учащейся молодежи, конечно, нельзя; а потому весь смыслъ настоящаго движенія мы видѣли именно въ протестѣ. Невозможность же удовлетворенія теперь, сейчасъ-же, повсе не исключала, по нашему мнѣнію, необходимости протеста. Судьба всѣхъ первоначальныхъ движеній — быть подавленными; но однако каждое изъ нихъ дѣлаетъ свое дѣло, ч результатомъ шлага ряда ихъ и будетъ достиженіе преслѣдуемой цѣли. Мы не только не читали на этотъ счетъ никакихъ иллюзій, но были увѣрены съ самаго пачала, что правительство не поцеремонится произвести разгромъ университета,

такъ какъ у насъ въ Россіи даже нежеланіе быть битымъ безъ всякаго повода считается преступленіемъ, разъ это битіе совершается по приказанію властей. Желая, тѣмъ не менѣе, заявить свой протестъ какъ можно громче и насколько возможно болѣе обезпечить себя отъ разгрома, мы и выработали ту практическую часть нашей программы, которая теперь осуществлена и дала такіе блестящіе результаты. Во-первыхъ, постановкой вопроса на общую почву униженія чувства человѣческаго достоинства мы объединили людей самыхъ разнообразныхъ направленій, а исключивъ всякія узкія партійныя политическія цѣли, мы придали движенію широкій общественный характеръ и дѣйствительное политическое значеніе. Во-вторыхъ, не желая дать возможности силой подавить нашъ протестъ, мы придали ему мирную форму отказа отъ занятій и фактическаго закрытія высшихъ учебныхъ заведеній. Благодаря тому единенію, съ которымъ откликнулись на нашъ призывъ студенты другихъ учебныхъ заведеній, намъ дѣйствительно удалось въ двѣ — три недѣли добиться фактическаго закрытія всѣхъ безъ исключенія высшихъ учебныхъ заведеній Россіи съ ихъ 30.000 составомъ учащихся. Этотъ небывалый фактъ поразилъ и общество, и правительство; замолчать и задуть его уже нельзя было, и поневолѣ правительство остановило готовившіяся жестокія репрессаліи. Практическимъ результатомъ нашего движенія, которому къ тому же помогли нѣкоторые другія обстоятельства, говорить о которыхъ теперь мы считаемъ неудобнымъ, явилось назначеніе чрезвычайнаго слѣдствія съ генераломъ Ванновскимъ во главѣ. Даже этихъ результатовъ мы не ждали, и всякій пойметъ, что они еще далеко не соответствуютъ нашимъ желаніямъ и нашей программѣ. Однако студенческая масса, увлеченная толкованіемъ, даннымъ этому разслѣдованію либеральной частью нашихъ профессоровъ, видѣясь съ помощью нѣкоторыхъ изъ нихъ получить кой-какіе практическіе результаты, о которыхъ мы не заботились, забыли совершенно о первоначальномъ значеніи своего протеста и первоначальныхъ своихъ желаніяхъ. Она избрала новый скользкій путь ходатайствъ и выпрашиванія милостей. Если бы масса сознательно относилась къ постоянному движенію, она поняла бы, что протестъ направленъ именно противъ порядка, при которомъ право и законъ не значатъ ничего, а значеніе имѣютъ только ходатайства и просьбы, милость и подачки. Воспитанная и декадѣченая мертвящимъ режимомъ 80-хъ и 90-хъ годовъ, студенческая масса не сумѣла удержаться на высотѣ положенія и дорожить высокимъ смысломъ своего протеста болѣе, чѣмъ всякими милостями.

Мы поняли, что останемся дальше въ меньшинствѣ и что проведеніе нашей радикальной программы становится дальше невозможнымъ. Мы не хотѣли также продолжать обструкціи, навлечь на себя нареканія въ томъ, что учащаяся молодежь,

благодаря нашему образу дѣйствій, лишится ожидаемыхъ ею результатовъ: и потому мы прекратили нашу дѣятельность еще 23-го февраля, о чемъ и заявили въ бюллетенѣ. Сходка 1-го марта только подтвердила наше предположеніе и оформила наше рѣшеніе. Наши либеральные благожелатели вырвали изъ нашихъ рукъ движеніе, и, если оно окончится ничѣмъ, и ихъ надежды не исполнятся, то на нихъ и должна пасть отвѣтственность за это. Благодаря имъ, студенты не дождались даже конца сѣдствія и его результатовъ. Лишивъ насъ возможности держаться дальше, либералы лишили и самихъ себя почвы, основываясь на которой, они и получили бы возможность выступить со своимъ ходатайствомъ. Что теперь отвѣтить имъ на ихъ ходатайство, мы угадывать не беремся. Если бы наши доброжелатели и наше общество, на которыхъ мы рассчитывали, воспользовались нашимъ протестомъ и дѣйствительно поддержали насъ, результаты были бы другіе. По поводу общественнаго сочувствія и хотимъ мы сказать еще нѣсколько словъ.

Намъ говорить, что мы сильны сочувствіемъ общества. Да, мы надѣялись на него, но въ значительной степени ошиблись, и та либеральная труха, которая поднялась на встрѣчу намъ, только запорошила намъ глаза, и мы потеряли изъ виду ту звезду, которая светила намъ впереди. Общество намъ сочувствуетъ, но сочувствуетъ исподтишка и громко заявить о своемъ сочувствіи не смѣетъ. Да, мы имѣли полное право бросить ему этотъ упрекъ. Въ нашей удрученной скромностью печати до сихъ поръ раздавался только единственный честный, но робкій голосъ. Неужели намъ угѣшаться тѣмъ, что только „Новое Время“ и „Народъ“ осмѣлились напечатать статьи, которыми мы, изъ уваженія къ себѣ, не даемъ должнаго эпитета. Намъ говорить, что, упорствуя, мы лишимся этого сочувствія. Но можемъ ли мы дорожить такимъ сочувствіемъ и не честились ли для самихъ сочувствующихъ умолчать о немъ! На насъ наводитъ ужасъ то невыносимое положеніе полной безгласности и безправія, въ которомъ прозябаетъ наше общество. 30.000 учащейся молодежи во всѣхъ концахъ Россіи волнуется, всѣ высшія учебныя заведенія закрылись, правительство готово примѣнить репрессалии и жестоко расправиться со всѣми, а наше общество не только не осмѣливается поднять свой голосъ, но даже не смѣетъ желать объясненія этого явленія, не смѣетъ желать передачя его гласности.

Наука и просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ ними и носители ихъ — университеты — не могутъ существовать рядомъ съ такимъ строемъ. Между ними всегда будетъ происходить глухая борьба, сопровождаемая частыми взрывами, пока этотъ строй не измѣнится.

Касса Взаимопомощи Студентовъ

С.-Петербургскаго Университета.

С. Петербургъ, 4-го марта 1899 г.

В о з з в а н і е .

Товарищи! Снова ворвались наши ряды, снова понесли мы большие потери: мы лишились первого Организационного Комитета, арестованного почти в полном составе в ночь на 21-е марта. Но суровые репрессалии не могут уснокить студенчество, поднявшееся в защиту прав личности, вставшее на борьбу с произволом и насиліемъ. Каждая новая жертва только лишній разъ подтверждаетъ, что борющееся студенчество еще далеко отъ побѣды, что ему еще много дѣла впереди, что полицейскому произволу нѣтъ границъ, а пока существуетъ такой произволъ, пока товарищей безъ суда и слѣдствія исключаютъ и высылаютъ, — студенчество не можетъ сложить оружія.

Если мы снова поднялись, оскорбленные насиліемъ надъ провинциальными товарищами, то теперь, когда наши лучшіе, наиболѣе энергичные и самоотверженные товарищи, вся вина которыхъ въ томъ, что они, увѣренные въ нашей поддержкѣ, смѣлѣе насъ рисковали собой, вынося наше движеніе на своихъ плечахъ, — когда эти наши товарищи арестованы, неужели у кого-нибудь изъ насъ можетъ явиться мысль о позорномъ отступленіи? Неужели найдется студентъ, готовый прекратить участіе въ движеніи и цѣною гибели лучшихъ товарищей купить собственное мелкое благополучіе?

Вторая смѣна Организационнаго Комитета вѣрить, что теперь, въ критическій моментъ борьбы, — въ моментъ, когда всѣ мелкія эгоистическія чувства должны сами собой уступить мѣсто чувству долга и товарищеской солидарности, — студенчество силотится еще болѣе, еще дружибѣ, и единодушнѣе будетъ добиваться намѣченной цѣли, види залогъ успѣшнаго достиженія ея въ возвращеніи всѣхъ безъ исключенія товарищей.

Послѣднія слова, переданныя намъ арестованными товарищами, касались движенія: „Мы вѣримъ, — успѣли сказать они намъ, — что наши товарищи будутъ продолжать дѣло движенія съ прежней энергіей“. Мы должны помнить эти слова и оправдать надежды, возлагаемыя на насъ.

Вторая смѣна Организационнаго Комитета.

23 марта 1899 г.

Изъ листа „О солидарности“.

Во все время движенія весьма часто произносилось слово „солидарность“.

Несмотря на то, что наше движеніе не имѣло характера, если можно такъ выразиться, военной солидарности, нашлось много лицъ, которыя, во имя этой солидарности, уничтожали всякую солидарность.

... Нужно признать *солидарность* каждого учебного заведения не съ другими учебными заведениями, даже въ предприимчомъ послѣдними отступленіи, а солидарность поступковъ со своими принципами. . . Если признать, что каждое учебное заведеніе солидарно въ своихъ постановленіяхъ съ внутренними требованіями движенія, то тогда никто никого не будетъ ждать, а каждое будетъ продолжать движеніе до полной своей раскаспировки. *Чѣмъ болѣе они проникнуты этимъ, тѣмъ они будутъ солидарнѣе между собою.*

... Солидарность въ пунктуальномъ приложеніи единообразныхъ мѣръ для забастовки — неважна особенно. *Важно, чтобы движеніе носило исключительно принципиальный характеръ, — чтобы не было компромиссовъ въ пользу начальства и полиціи.*

*Общій Союзъ Инициаторовъ. *)*

25 марта 1899 г.

Изъ Кіева.

(Изъ частнаго письма).

... Въ университетѣ 9-го и 10-го марта происходило нѣчто въ высшей степени грустное. Студенты, числомъ свыше 1000, заявили ректору, что обсужденіе вопроса о возобновленіи лекцій состоится лишь послѣ того, какъ будутъ возвращены уволенные въ теченіе масляной ихъ товарищи (54 человѣка, изъ нихъ 19 безъ права поступленія въ университетъ), въ настоящее же время признаютъ этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію. Ректоръ отвѣчалъ, что самъ ничего сдѣлать не можетъ и что доложить попечителю. По уходѣ ректора всѣ присутствующіе на сходкѣ согласились, что будутъ препятствовать возобновленію лекцій; въ одной изъ аудиторій читалъ профессоръ Самофоновъ, къ нему подошли съ просьбою прекратить чтеніе, а когда тотъ не согласился, то одинъ изъ обструкціонистовъ сталъ читать вслухъ изъ какой то книги, вслѣдъ за тѣмъ поднялся шумъ, и старый профессоръ разрыдался. Студенты объяснили ему, что лично противъ него ничего не имѣютъ, а что касается до храма науки, ставшаго храмомъ насилія, то храмъ и безъ него держится на насиліи и т. д. Другая часть обструкціонистовъ двинулась къ физическому кабинету, дверь котораго была заперта на ключъ профессоромъ, читавшимъ въ это время. Дверь была выбита, и профессоръ выгнанъ, попавшагося по пути инспектора провожали брашью и, когда онъ заявилъ, что за оскорбленіе должностнаго лица они не платятся особенно, студенты погнались за нимъ, — инспекторъ убѣжалъ, нечезъ и ректоръ.

*) Группа петербургскихъ студентовъ.

ли
за
че
со
и
сту
ка
пр
сту
спе
тел
что
всѣ
Но
на
Од
даж
пос
что
пер
въ
П
ств
мин
рой
мы
соб
рищ
Сер
пол
Лав
сти,
отн
имѣ
лива
зах
быт
про
свид
ство
М
что

На 4-мъ курсѣ медицинскаго факультета профессоръ Чирковъ лично перенесалъ обструкціонистовъ и, когда одинъ изъ нихъ заявилъ, что это дѣло не профессора, то послѣдній отвѣтилъ, что „ниги времена смутныя, студентъ не студентъ, и профессора не профессора, а . . . — „и п і о н в“, услышалъ профессоръ и вознегодовалъ, а списокъ обѣщалъ представить ректору.

. . . Университетъ закрыли. Пріемъ прошеній уволенныхъ студентовъ былъ обставленъ въ Кіевѣ такъ, какъ, кажется, ни въ какомъ другомъ университетѣ. Студенты должны были подавать прошенія лично, и это понадобилось для того, чтобы каждый студентъ проходилъ черезъ шеренгу недель и субъ-инспекторовъ, которые, послѣ предварительнаго очень внимательнаго и наглаго осмотра каждого проходящаго, отмѣчали что-то въ своихъ книжечкахъ. Дѣлается это на глазахъ у всѣхъ и съ благой цѣлью отдѣлнить правыхъ отъ виноватыхъ. Но эта цѣль никогда не достигается. Въ число уволенныхъ на масляной понали, напр., многие ни въ чемъ неповинные. Одинъ изъ послѣднихъ, *Ашенбергъ*, былъ во время безпорядковъ даже не въ Кіевѣ и, между тѣмъ, былъ исключенъ безъ права поступленія. Это такъ подѣйствовало на 18-ти лѣтняго юношу, что онъ сошелъ съ ума. Вообще мѣстная молодежь сильно разнервничалась. . . Лекцій въ университетѣ еще нѣтъ. Вчера въ политехникумѣ забастовали.

Н. Н.

Изъ бюллетеня 33-го.

Первый день экзаменовъ прошелъ, — и экзамены, къ великому стыду для отступниковъ-студентовъ, состоялись, правда, при минимальномъ количествѣ желающихъ. Обстановка, при которой производились экзамены, была самая подавляющая, — и мы можемъ только изумляться, какъ сильно притушено чувство собственнаго достоинства среди нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей. Наблюдать извивающуюся и кривляющуюся фигуру Сергѣевича, оскверниваемаго университетъ приглашеніемъ туда полиціи: выслушивать грозные, дерзкіе и неосмысленные окрики Лаврентьева, стоявшаго на краю даже официальной вѣжливости, созерцать длинную вереницу городовыхъ и околоточныхъ, отнынѣ неизбѣжные, повидимому, атрибуты университета; имѣть предъ собою жалкую фигуру Георгіевскаго, горько проливающего крокодиловы слезы, видѣть, наконецъ, какъ на глазахъ прямо хватаютъ безъ всякихъ поводовъ нашихъ товарищей, быть свидѣтелями всей этой ношлости, подлости, гадости и произвола и оставаться при этомъ все время равнодушнымъ свидѣтелемъ, — да, много нужно для этого имѣть душевной черствости, жалкой, гадкой трусости и нравственной немощи.

Мы не станемъ рисовать картины экзаменовъ. Скажемъ только, что гг. „профессора“ вели экзамены подъ прикрытіемъ своихъ доб-

рыхъ друзей и защитниковъ и неделей. Упомянемъ еще объ одномъ инцидентѣ, который г. Грибовскій можетъ внести въ формулярный синеекъ совершенныхъ имъ подлостей. Наканунѣ экзамена г. Грибовскій съелъ пужнымъ заявить, что экзаменовъ производить онъ не намѣренъ. Велико же было изумленіе одного изъ его личныхъ знакомыхъ, студента Ашера, когда онъ увидѣлъ фигуру Грибовскаго за экзаменаторскимъ столомъ! Ашеръ, пораженный столь быстрой измѣной своему собственному слову, подошелъ къ г. профессору и высказалъ свое удивленіе по поводу его присутствія. Въ отвѣтъ на это Грибовскій, громко назвавъ по фамиліи г. Ашера, попросилъ оставить его въ покоѣ. Неделямъ и прочей администраціи оставалось только принять къ свѣдѣнію эту громко высказанную фамилію.

... Мы еще разъ указываемъ товарищамъ, что теперь наступаетъ самый критическій моментъ борьбы. Требуется хладнокровіе и выдержанность. Малѣйшій поводъ съ нашей стороны вызоветъ весьма нежелательныя толкованія этого инцидента. Нужно помнить, что политика администраціи заключается въ томъ, чтобы нарушить спокойствіе въ массахъ и вызвать ихъ на открытій скандалъ.

Мы взываемъ къ чувству благоразумія товарищей, — какою-нибудь неосторожностью, всыпкою гнѣва, быть можетъ даже исполнѣ справедливую, можно разрушить и погубить общее дѣло. Будьте спокойнѣе, товарищи! Умѣйте подавлять въ себѣ личныя раздраженія; помните, что мы не одни: за насъ, какъ и въ первомъ движеніи, стоятъ *все* высшія учебныя заведенія. Своею вспыльчивостью, излишнею горячностью мы можемъ лишь изгладить то впечатлѣніе внушительной, осмысленной силы, которое мы уснѣли за эти два мѣсяца сознательной борьбы провозвести и на общество, и на администрацію. Корректность поведенія, отличавшая все наше движеніе, пусть и теперь не покидаетъ насъ, и мы этимъ только лишній разъ докажемъ свое умѣніе стойко и выдержанно добиваться своихъ правъ. Несомнѣнно, что полиція, судя по ея поведенію въ попедѣльничкѣ, будетъ вести себя вызывающимъ образомъ, но мы надѣемся, что и на этотъ разъ она ошибется въ своихъ расчетахъ, какъ ошиблась и раньше...

Организаціонный Комитетъ

С.-Петербургскаго Университета.

30 марта 1899 года.

Отъ арестованныхъ студентовъ.

Товарищи! Мы, выбитые изъ строя, но не убитые, будемъ вести борьбу, пока есть хоть малѣйшая возможность.

Мы твердо увѣрены, что всѣ товарищи, находящіеся сейчасъ на свободѣ, не положатъ оружія и будутъ продолжать борьбу,

объ одномъ
формуляр-
тъ экзамена
тъ произво-
одного изъ
видѣль фи-
шеръ, пора-
тому слову,
еніе по по-
кѣй, громко
о въ покоѣ.
ко принять

пока подъ поднятымъ нами знаменемъ будетъ стоять хоть одинъ человекъ.

Мы выражаемъ увѣренность, что организационный комитетъ, который честно и отважно несъ и несетъ свою трудную обязанность, не оставитъ дѣла безъ дальнѣйшаго руководства.

*120 обструкціонистовъ, заключенныхъ
въ Рождественской части.*

С.-Петербургъ, 2 апрѣля.
Административная тюрьма
при Рождественской части.

Изъ бюллетеня 37-го.

теперь на-
букется хлад-
ей стороны
нцидента.
ючается въ
ызвать ихъ

и, — какою-
жетъ даже
общее дѣло.
себѣ личныя
и въ пер-
ія. Своєю
емъ лишь
силы, ко-
орьбы про-
рректность
теперь не
жемъ свое
е. Несом-
ынкъ, бу-
емся, что
ахъ, какъ

Центръ тяжести послѣднихъ событій несомнѣнно представляеть вчерашнее Правительственное сообщеніе. Не можемъ скрыть, что мы прочли его съ чувствомъ глубокой грусти. Спрашивается, если Горемыкинъ и Ко чувствуютъ себя правыми, зачѣмъ тѣ фактическія неувѣрности, передержки, недомолвки, явныя извращенія фактовъ, которыми переполнено это огромное сообщеніе? Откладывая до завтра разборъ этого произведенія Горемыкина и Ко, замѣтимъ только, что вверху еще подобное сообщеніе является не послѣ окончанія движенія, а въ его разгарѣ. Отсюда ясно, что это — тактическій пріемъ, холостой выстрѣлъ съ цѣлью запугать студентовъ, связать правительство и отрѣзать ему путь назадъ, предупредивъ его рѣшеніе. Будемъ помнить, что дѣлъ Горемыкина — показать, что „бунтуетъ“ кучка политикановъ, что послѣ ея удаленія осталось огромное стадо агнцевъ, жаждущихъ только понаестись подъ предводительствомъ околоточнаго надзирателя на экзаменационныхъ занятыхъ, утучненныхъ для нихъ тѣлами товарищей. Единственное средство борьбы, имѣющееся у насъ въ рукахъ, — это отказаться отъ экзаменовъ и снова доказать, что большинство именно тамъ, гдѣ Горемыкинъ и приспѣе его не хотять его видѣть, и что большинство это не окрашено никакой политической краской, а просто хочеть, чтобы его не били и не выселяли за то, что били...

*Организаціонный Комитетъ
С.-Петербургскаго Университета.*

3 апрѣля 1899 г.

Изъ бюллетеня 38-го.

е, будемъ
и сейчасъ
ь борьбу,

Вчера мы были свидѣтелями расправы зазнавшейся полиціи. Возвращавшіеся тихо съ проводовъ высланныхъ товарищей студенты были признаны манифестантами: полиція ихъ остано-вила, собрала толпу зѣвакъ и на этомъ основаніи сочла нуж-

нимъ „успокоить“. Несколько человекъ студентовъ были арестованы и отправлены въ охотное отдѣленіе, причемъ мы были свидѣтелями слѣдующаго разговора :

— Вы куда ?

— Въ столовую !

— А, вы разговаривать ! Взять !

Комментаріи излишни.

Организаціонный Комитетъ

С.-Петербургскаго Университета.

По поводу „Правительственнаго Сообщенія“,

помѣщеннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“

2 апрѣля 1899 года.

„Соединенный Организаціонный Комитетъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга“, 10 апрѣля, выпустилъ гектографированную статью, въ которой подробно разбираетъ правительственное сообщеніе о студенческомъ волненіи, указывая на умышленное умолчаніе, неточную передачу и прямое искаженіе истины, которыми изобилуетъ это сообщеніе.

Мы приводимъ здѣсь только вступительные и заключительные параграфы этой статьи, слишкомъ пространной для дословной передачи.

Ред.

Мы привыкли извѣстнымъ образомъ относиться къ правительственнымъ сообщеніямъ. Когда русское правительство рѣшается печатно высказаться о такихъ событіяхъ и движеніяхъ, которыя никто не смѣетъ гласно обсуждать, это значитъ, во-первыхъ, то, что эти событія и движенія — чрезвычайной важности, а во-вторыхъ, то, что давленіе изъ общественныхъ слоевъ не позволяетъ долѣе замалчивать подобныя явленія. Но русскіе люди знаютъ, что выступая гласно съ авторитетнымъ обсужденіемъ вопроса, правительство ведетъ хитрую и ловкую игру, въ которой ему нужно и „невинность соблюсти, и капиталъ приобрѣсти“.

На наше общество, съ его неокрѣпшей политической мыслью, гласность производитъ большое впечатлѣніе. Ужь ради вѣры въ принципъ гласности оно готово вѣрять въ откровенность правительства...

Истину въ статью правительства нужно пустить ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы обыватели ахнувшіе отъ правительственной откровенности, повѣрили въ его

иску
пра
и де
бри
на
„Пр
будт
тали
очев
...
прят
посл
прот
Сл
хож
кам
дин
оста
пози
чувс
во в
Од
щел
всак
няя
...
общ
сам
чита
го
прав
что-
онъ,
сво
прав
арес
тур
тетс
дал
ка
жер
вает
моск
Щ
въ с

*)

искренность и видимое безпристрастие, но вмѣстѣ съ тѣмъ всей правды, всей сути дѣла не узнали. Это очень хитрый приемъ, и для него чужда большая опытность въ уметливой эквилибристикѣ. На словахъ какъ будто и полная откровенность, а на дѣлѣ, — какъ бы правды то не узнали. Вотъ и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ составило правительство, какъ будто передавая безпристрастно весь ходъ событій, всѣ детали, — всю дупу свою выворачиваетъ, а на самомъ то дѣлѣ обь очень и очень многомъ умалчиваетъ...

... Стоитъ только вѣдомить, сколько разъ и съ какой напряженностью перерѣшались вопросъ о продолженіи забастовки, послѣ того какъ рѣшительная сходка 1 марта высказалась противъ.

Студенческое движеніе, поднятое въ такихъ размѣрахъ, похоже на волненіе рѣчной поверхности, когда въ воду брошенъ камень. Уже мѣсто паденія покрылось водяной гладью, а водные круги идутъ все дальше и дальше, и пѣтъ силы ихъ остановить. Такъ и студенческое движеніе. И стоило только возникнуть новому проявленію произвола,*) какъ протестующее чувство, на мгновеніе смирившееся, съ новой силой заговорило по всѣхъ...

Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ правительственное сообщеніе молчитъ; мало того — оно преднамѣренно отрицаетъ всякую связь перваго періода движенія со вторымъ, не выясняя ещности ни того, ни другого.

... При всѣхъ своихъ недостаткахъ правительственное сообщеніе оказываетъ важную услугу русскому общественному самосознанію. Въ самомъ дѣлѣ, передъ глазами изумленнаго читателя развертывается широкая картина грандіознаго студенческаго движенія. Читатель еще не знаетъ сути правды, но онъ чувствуетъ, что совершается что-то важное, что-то необыкновенное. И въ недосказанныхъ словахъ читаетъ онъ, какъ люди, много людей приносятъ чему-то въ жертву свое благополучіе, свою судьбу, свою свободу. Тысячами правительство увольняетъ ихъ изъ учебныхъ заведеній, сотнями арестуетъ и сажаетъ въ одиночное заключеніе, переноситъ въ тюрьмы, и, не находя мѣста, вагонами разсылаетъ изъ университетскихъ городовъ по всѣмъ концамъ Россіи. И читатель уже далеко отъ мысли, что это — всышка, что это — „студенческая исторія.“ Что-то другое видится ему за этими тысячами жертвъ; и кажется ему, что студенческое движеніе захватываетъ своими концами и его... Тяжело жить въ душной атмосферѣ, больше воздуха, больше простора!

Правительственное сообщеніе уже никого не испугаетъ, вводя въ свое изложеніе новый терминъ: „политическое“.

*) Арестъ и высылка товарищей провинціальныхъ университетовъ. Ред.

Студенты громко заявили, что они не желают быть битыми заглазками, что они не желают, чтобы их товарищей высылали без суда и следствия. Студенты громко высказали протест против отсуствия въ Россіи правъ на физическую неприкосновенность. Если правительство называетъ этотъ протестъ противонаправительственнымъ, политическимъ дѣломъ, пусть такъ...

*Сосоциальный Организационный Комитетъ
всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга.*

10-го апрѣля 1899 года.

Отъ студентовъ Кіевскаго Союза.

Товарищи! Съ того времени, какъ ринулись на борьбу за свободу и неприкосновенность личности, мы получили безчисленное множество доказательствъ того же дикаго произвола, который въ знаменательный день 17 февраля поднялъ насъ всѣхъ, какъ одного человѣка.

Мы имѣемъ теперь цѣлый рядъ фактовъ, не менѣе важныхъ, чѣмъ фактъ 8 февраля; изъ нихъ мы вкратцѣ повторимъ здѣсь: 1) возмутительная расправа съ нашими товарищами, учиненная нашимъ университетскимъ начальствомъ въ трогательнѣйшемъ союзѣ съ жандармеріей, расправа тѣмъ болѣе возмутительная, что ихъ грубая рука была направлена главнымъ образомъ на тотъ безправный элементъ, на который всегда сняты обвиненія съ тѣмъ, чтобы скрыть истинный смыслъ и значеніе фактовъ, 2) Варооломеевская ночь, учиненная славнымъ генераломъ Новицкимъ (въ тюрьмѣ 150 товарищей), 3) Дикое насилие жандармеріи надъ Рижскимъ товарищемъ, 4) Возмутительное обращеніе въ тюрьмѣ, доведшее Московскаго товарища Ливена до самоубійства, 5) Высылка, массовые аресты во всѣхъ университетахъ, 6) цѣлый рядъ самоубійствъ, отравленій, вызванныхъ дикою вакханаліей начальства, и пр.

Товарищи! Неужели эти факты не достаточно краспорѣчиво говорятъ, что намъ нужно дѣлать теперь, или, вѣрнѣе, чего намъ не нужно дѣлать теперь. Неужели насъ смутятъ тѣ немногіе карьеристы, которые не устояли передъ соблазномъ легкаго полученія зачетовъ, заглушивъ голосъ совѣсти. Забудемъ же на время свои личныя дѣла и мелкіе интересы! Въ послѣдній разъ мы призываемъ васъ, товарищи, постоять до конца, подобно всѣмъ другимъ нашимъ товарищамъ, за наше святое дѣло!

Союзный Советъ Объединенныхъ Землячествъ.

29 апрѣля 1899 г.

И
М
П

Ф
В
П

И
П
Ю

А
П
Д

В
В
И

1) С
2) Д
3) П
4) Ф
5) П
февра

„Египетъ”. 1)

<p style="text-align: center;">1.</p> <p>Надъ широкой рѣкой
Молчаливой четой
Пара сфинксовъ²⁾ стоитъ,
Ухмыляется.</p>	<p style="text-align: center;">6.</p> <p>А въ страпѣ каждый годъ
Недородъ... недородъ...
А на помощь нашурь
Марается.</p>
<p style="text-align: center;">2.</p> <p>Фараоны³⁾ кругомъ
Всѣхъ колотять кнутомъ;
Пирамидовъ⁴⁾, прохвость,
Отличается;</p>	<p style="text-align: center;">7.</p> <p>Какъ Мемнопъ, вся печать
Звукъ одинъ повгорять,
Все „ура“ да „ура“,
Принуждается.</p>
<p style="text-align: center;">3.</p> <p>И пергаментъ живой
Подъ искусной рукой
Иероглифами весь
Испещряется.</p>	<p style="text-align: center;">8.</p> <p>Куча мумій сидитъ
И дѣла всё вершитъ;
А въ дѣлахъ — лабиринтъ.
Заключается.</p>
<p style="text-align: center;">4.</p> <p>А на тѣхъ, кто потомъ
Недоволенъ кнутомъ,
Десять казней заразъ
Насмается.</p>	<p style="text-align: center;">9.</p> <p>Озирись не пойметъ,
Гдѣ тутъ правда живетъ,
Что и какъ въ той странѣ
Совершается.</p>
<p style="text-align: center;">5.</p> <p>Весь народъ предъ бычкомъ
Возлегаеть ничкомъ,
И рѣка каждый годъ
Разливается.</p>	<p style="text-align: center;">10.</p> <p>А одинъ крокодилъ⁵⁾
Со слезами твердилъ,
Что закономъ страна
Управляется.</p>
<p>11.</p> <p>Такъ неужто же я
Не въ Египтѣ, друзья?!
Иль во спѣ это мнѣ
Представляется?</p>	

1) Студенческое стихотвореніе по поводу побойки 8-го февраля.

2) Два сфинкса на набережной Невы, противъ Академіи Художествъ.

3) Прозвище полицейскихъ.

4) Фамилія на алышка Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія.

5) Ректоръ С.-Петербургскаго Университета Сергѣевичъ, въ своихъ рѣчахъ свѣдѣвшій студентовъ, что Россія управляется на строгомъ основаніи закона.

Въ память осады Кіевскаго Университета генераломъ
Драгомировымъ. *)

Тамъ, гдѣ Дибирь, величья полный,
Въ море плещь сѣдя волны,
Нѣжась въ пышныхъ берегахъ,
Тамъ, гдѣ князь Владимиръ въ воду
Путь указывалъ народу,
Тамъ, гдѣ княжилъ Мономахъ,
Тамъ, гдѣ въ Лаврѣ знаменитой,
Дриною смрадною набитой,
Обираютъ мѣръ поповъ,
Гдѣ во славу всей Россіи
Фабрикуются святые
И плодятся какъ клопы, —
Словомъ, въ Кіевѣ престольномъ,
Лаврой смрадною допольномъ
И грабительствомъ поповъ,
Въ этомъ славномъ градѣ Кіа,
Кѣмъ гордится вся Россія,
Случай былъ, друзья, таковъ.

Отъ бездѣля пль отъ скуки
Созданъ былъ тамъ храмъ наукъ,
То-есть университетъ.
Но не ради просвѣщенья:
Въ томъ порукою гоненья
На науку много лѣтъ.
Подвергая пресѣченью
Всякой мысли проявленье,
Молодой либерализмъ,
По приказу тамъ Емели
Врали чужь и не краснѣли,
Восхваляя деспотизмъ.
И росло младое племя —
Для земли пустое бремя,
Да контители небесъ,
Негодиевъ лишникъ сталъ,
Безполезная для края . . .
Только сжалился Зевесъ.

Съ береговъ Невы туманной
Раздался призывъ желанный
Жертвъ злодѣя-палача:
Угнетенная свобода
Всѣхъ сзывала для похода
Противъ царствія бича.

*) Студенческое стихотвореніе, вызванное дѣйствительнымъ событіемъ въ
Кіевѣ. Ред.

И неслись святые звуки
Въ храмахъ загнанной науки,
Свѣтъ забрезжилъ въ темнотѣ.
Молодая Русь возстала
И девизъ свой начертала :
„Со щитомъ или на щитѣ!“

И полною переливной
Долетѣлъ сей кличъ призывный
Въ мать русскихъ городовъ.
Взволновалъ онъ храмъ науки,
Поднялись въ оковахъ руки,
Дабы сбросить гнетъ околъ.
Зашумѣла Русь молодая,
Свѣтомъ истины пугая
Мракобѣсія жрецовъ, —
Членовъ той позорной шайки,
Что хвалу поютъ нагайкѣ
Хоромъ наглыхъ голосовъ.

Ректоръ, — жрецъ достойный мрака, —
Распустивши фалды фрака,
Бѣ Драгомирову бѣжить ;
Полный страха и смятенья,
О студенческомъ движеньи
Онъ воякѣ говорить.
Просить именемъ всей шайки
Постоять за честь нагайки
Силой пушекъ и штыковъ,
Чтобъ, внушивъ къ кнуту почтенье,
Усмирить скорѣй волненье
Либеральныхъ молодцовъ.
Но воякѣ, безъ сомнѣнья,
Показалось предложенье
Смѣхотворной чепухой.
„Мигъ-ль“, воскликнулъ онъ, „герою,
Братъ науки храмы съ бою!
Мигъ-ль, съ моею сѣдиною.
Нажитой въ бояхъ съ врагами,
Награжденному чинами
За побѣды здѣсь и тамъ,
Вдругъ начать играть въ игрушки,
Посылать солдатъ и пушки
Съ бою братъ науки храмъ!
И притомъ наука — дама...
На себя такого срама
Не могу я принимать :
Я — герой, царемъ почтенный,
Сѣдинами убитенный,

Мнѣ-ли съ бабой воевать?
Ха, ха, ха!“ — Герой запися —
Ректоръ видимо смутился
И скорѣе утекать,
А министру только пишеть :
„Драгомировъ глухъ — не слышитъ
И не хочетъ понимать.
Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата,
Я героя умоляю,
Онь же рѣчь завелъ о дамѣ,
О какой — спросите сами,
Ибо онъ мнѣ не сказали.
Очевидно, старичишка
И послѣдній-то умишко
На сраженьяхъ потерялъ.“
Взяли ректора посланью,
И министра приказанье
Къ Драгомирову летить :
„Уничтожить супостата
Всѣмъ, чѣмъ армія богата!“ —
Приказанье гласить.
И герой безъ замедленья
Исполняетъ порученье :
Храмъ науки съ бою брать,
Смѣло съ бабой воевать.
Вырвавъ клокъ волосъ съ досады,
Двинуть онъ свои громады —
Силу пушекъ и штыковъ.
Размѣстивъ все войско стройно
И стоять себѣ спокойно,
Къ наваденію готовъ :
Ждетъ геройски супостата,
Но, увы! безъ результата.
Ждетъ онъ день и ждетъ другой —
Непріятеля не видно.
„Это-ль, право, не обидно!“
Мыслить старенькій герой,
Отъ обиды еле дышитъ
И министру тотчасъ пишеть
Лаконическій отвѣтъ :
„Завить постъ. Готовъ и къ бою,
Какъ и слѣдуетъ герою,
Непріятеля же нѣтъ!“
И за это донесенье .
Получилъ онъ назначенье,
Заграницей погулять,
Чтобъ министра понимать.

ОТДАЧА „БЕЗПОКОЙНЫХЪ“ СТУДЕНТОВЪ ВЪ СОЛДАТЫ.

*Письмо изъ Россіи. *)*

Испытавъ все мѣры насилія, произвола и безчеловѣчія въ борьбѣ съ несчастною учащеюся молодежью, перепробовавъ всякія увольненія, исключенія, высылки, ссылки и аресты, — русское правительство нашло необходимымъ увѣнчать воздвигнутое имъ зданіе, и результатомъ этого явилось высочайшее повелѣніе отъ 29 Іюля (ст. ст.), которое по своему беззаконію и по своей жестокости превосходитъ все, чего можно было ожидать.

Въ особомъ совѣщаніи шести министровъ: внутреннихъ дѣлъ — Горемыкина, народнаго просвѣщенія — Боголѣпова, земледѣлія — Ермолова, финансовъ — Витте, военнаго — Куропаткина и юстиціи — Муравьева, были выработаны временныя правила, удостоившіяся, какъ уже сказано, высочайшаго утвержденія. Въ названіи этихъ правилъ кроется ложь, безъ которой наше правительство, какъ извѣстно, не можетъ ступить шагу, а по формѣ изданія и по содержанію эти правила нарушаютъ цѣлый рядъ законовъ, не исключая и основныхъ. . .

„Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній“, такъ начинается новый законъ, „за учиненіе скономъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или виѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ таковому уклоненію подлежатъ удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности, — хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывнаго возраста, или же вышли по жребію номеръ, освобождающій отъ службы. Для разсматриванія дѣлъ о проступкахъ, указанныхъ въ 1 ст., при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній образуется совѣщаніе въ составѣ: предсѣдателя (понсчителя учебнаго округа, а въ случаѣ необходимости, одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній, особо назначеннаго для сего министромъ лица), членовъ педагогической коллегіи, коей предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ — военнаго, внутреннихъ дѣлъ (жандарма) и юстиціи (ст. 2). Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или письменныхъ объясненій (ст. 4). Совѣщаніе имѣетъ право

*) Изъ № 4 „Рабочаго Дѣла“.

отдавать въ военную службу на одинъ, два или три года. Последнее для тѣхъ, которые принимали особенно дѣятельное въ безпорядкахъ участіе (ст. 5). Опрежденіе особаго совѣщанія предоставляется подлежащему министру, (въ ведомствѣ котораго находится учебное заведеніе). Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ (ст. 6) и исполняется немедленно (ст. 7), причемъ, если подлежащій зачисленію въ войска окажется по медицинскомъ освидѣтельствovanіи неспособнымъ къ службѣ въ строю, то онъ опредѣляется на должности нестроевыя (ст. 8). Военному министру предоставляется по прошествіи года ходатайствовать передъ его величествомъ объ освобожденіи отъ службы отданныхъ на большій срокъ (ст. 9). Наконецъ, прослушки неправдо отбывшихъ службу въ войскахъ предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу“.

Самый краткій анализъ этихъ правилъ показываетъ :

1. Что новое преступленіе плохо обозначено и даетъ поводъ къ какому угодно толкованію. Упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій — это еще сколько-нибудь определенное понятіе, но что такое безпорядки, — это ужъ всякій помещикъ, генералъ, жандармъ или прокуроръ можетъ толковать по своему. Возбужденіе къ безпорядкамъ въ учебныхъ заведеніяхъ — еще болѣе неумовимое понятіе, и подъ него можно подвести любое дѣйствіе студента.

2. Что особый судъ изъ членовъ педагогической коллегіи усиливается представителями военной силы, жандармеріи и юстиціи, но нѣтъ въ немъ представителей отъ студентовъ.

3. Что этотъ исключительный судъ возвращается къ инквизиціонному порядку, что въ немъ нѣтъ особаго обвинителя, а обвинителями являются сами судьи; что въ немъ нѣтъ мѣста защитѣ, равно какъ и нѣтъ права обжалованія, — словомъ, что это не судъ, а какой-то инквизиціонный трибуналъ, совѣтъ трехъ, судъ III-го отдѣленія или тому подобное.

4. Что этому суду представляется нарушать самымъ вопіющимъ образомъ существующіе законы: отдавать въ солдаты лишь, не достигшихъ призывнаго возраста, напр. 18-лѣтнихъ студентовъ, льготныхъ, напр. единственнаго сына старухи-матери и т. д.

5. Что этому суду предоставляется отдавать студентовъ въ солдаты, даже если они больны, хромы, слѣпы, — и тогда эти студенты будутъ кашеварами, денщиками и т. д.

6. Что этому суду предоставляется отдавать студентовъ въ солдаты не только на одинъ или два года, какъ предписываетъ законъ, но и на три года.

7. Что, вопреки общему закону, дозволяющему на всякое дѣйствіе министра приносить жалобу въ сенатъ, рѣшенія министровъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты не подлежатъ обжалованію.

8. Что эти безапелляционные рѣшенія будутъ постановляться по крайней мѣрѣ пятью разными министрами, такъ какъ у насъ есть высшяя учебная заведенія, подвѣдомственные министрамъ: народнаго просвѣщенія, военному, финансовъ, юстиціи и земледѣлія, — и что за одни и тѣ же безпорядки могутъ послѣдовать самыя различныя наказанія.

9. Что такой законъ, какъ эти „временныя правила“, отменяющій и законы объ учрежденіи министровъ, и уставы судебныя, и уставъ о воинской повинности, по русскимъ основнымъ государственнымъ законамъ не могъ быть изданъ въ той формѣ, въ какой онъ послѣдовалъ. Великій законъ, такъ гласятъ наши основные государственные законы, можетъ быть отменяемъ лишь равносильнымъ закономъ. Между тѣмъ, учрежденія министерствъ, судебныя уставы и уставъ о воинской повинности прошли всѣ законодательныя стадіи и суть *уставы*, а потому не могутъ быть отменяемы *указами*, „объявленными“ черезъ министра, какъ настояція „временныя правила“.

Оказывается, что слабому и несвѣдущему царю министры подкупили законъ, нарушающій не только общіе, но и основные государственные законы. Нѣтъ сомнѣнія, что эти „временныя правила“ будутъ имѣть роковыя послѣдствія и вызовутъ сотни, если не тысячи, новыхъ жертвъ. Къ несчастью, въ Россіи нѣтъ возможности указать на это; единственные люди, которые могли бы обратить на это вниманіе царя, — министры. Да вообще наши министры заинтересованы въ томъ, чтобы по возможности напугать и безъ того испуганнаго царя и выставить себя и свои мѣропріятія единственнымъ его спасеніемъ. Жаандармерія и во главѣ ея Горемыкинъ специально хлопотали о томъ, чтобы спровоцировать волненія и оправдать этимъ не только своя гнусности, но и свое существованіе.

Такимъ образомъ, правительство, вмѣсто того, чтобы замалчивать свои преступленія передъ студенчествомъ, въ которыхъ публично признался самъ царь въ своемъ манифестѣ отъ 24 мая; вмѣсто того, чтобы устранить безобразія, повторившіяся въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній, какъ то призналъ самъ министръ Боголюбовъ въ своемъ циркулярѣ, — создаетъ новыя беззаконія, новый терроръ, — терроръ не только тюремъ, но и казармъ.

Вѣдная Россія!

* * *

Замѣчаніе редакціи „Рабочаго Дѣла“:

„Временныя правила“ противъ лучшихъ элементовъ студенчества несомнѣнно увеличатъ ряды борцовъ противъ самодержавія. Само правительство толкаетъ студентовъ съ новой силой на дорогу политической борьбы, и не только студентовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, въ которыхъ тлѣетъ хоть искра честнаго возмущенія противъ насилія.

ПО ПОВОДУ СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

Разсматривая общее значеніе прогрессивнаго въ началѣ прошлаго года „студенческаго“ движенія, мы должны, прежде всего, замѣтить, что высшее сочетаніе обстоятельствъ, давшее первоначальный толчокъ происшедшимъ событіямъ, само по себѣ не представляетъ ничего такого, чего нельзя было ожидать при существующемъ порядкѣ вещей въ Россіи. Ниличное оскорбленіе со стороны охранителей государственнаго строя, основательно возмущившее ученикомъ высшихъ учебныхъ заведеній, является лишь блѣднымъ образомъ того, чему въ несравненно сильнѣйшей степени и непрерывно подвергается по всей Россіи безправный и безгласный рабочій народъ. Разница только въ томъ, что простой народъ притѣняется правительствомъ втихомолку, не имѣя возможности ни огласить своихъ оскорбленій и страданій, ни слотиться для совместнаго протеста и отпора; между тѣмъ какъ на этотъ разъ правительственные слуги имѣли неосторожность примѣнить, на берегахъ Невы и при свѣтѣ дня, надъ непривыкшею къ этому молодежию привилегированныхъ классовъ тѣ приемы, которые они безпреступно употребляютъ повсюду, куда свѣтъ гласности еще не проникаетъ.

Съ одной стороны, поипреренные дикимъ режимомъ двухъ реакціонныхъ царствованій. — прошлаго и настоящаго, — административныя власти дошли до такой распушенности, что позабыли, въ этомъ частномъ случаѣ, надѣть тѣ перчатки, которыя русское образованное общество привыкло видѣть на работающей его рукѣ. Съ другой стороны, они неожиданно натолкнулись на людей, не воплѣвъ еще успѣвшихъ примириться съ обычной практикой жизни и стать такими же пассивными орудіями въ рукахъ правительства, каковыми являются старшіе представители этой же самой интеллигентной среды. Въ результатъ получилось то, что причастныя къ этому дѣлу правительственныя лица возбудили не только всеобщее общественное негодованіе, къ которому они совершенно равнодушны, но также и неудовольствіе верховной власти, усмотрѣвшей въ ихъ поведеніи нѣкоторую безтактность; благодаря чему, одному министру представился удобный случай наговорить нѣсколько громкихъ, почти либеральныхъ фразъ, другому пришлось слетѣть съ своего мѣста, а третьему удалось сѣсть на это мѣсто и теперь предстоить позаботиться о томъ, чтобы, закручивая руки „чистой публикѣ“, — если это дѣлается на виду у всѣхъ, — административныя чины впрядь отнюдь не позволяли себѣ пренебрегать нѣкоторыми приѣмами учтивости, установленными по отношенію къ привилегированнымъ классамъ.

Все это нисколько не измѣняетъ дѣйствительнаго положенія вещей, и такъ это старо, обычно и пошло, что не заслуживало бы особеннаго вниманія, — еслибы только оно, косвеннымъ образомъ, не послужило обнаруженію одного весьма знамена-

тельного явления, а именно — того, что въ русскомъ образованномъ обществѣ, — несмотря на все его казавшееся безнадёжнѣе раболѣпнѣе передъ предрѣжащими властями, — сохранилась еще, какими то судьбами, некра чловѣческаго достоинства, готовая кое-когда разгораться въ яркое пламя.

Совершенно неожиданно, столько же для самого общества, какъ и для правительства, оказалось, что въ той самой средѣ, изъ которой малѣйшіе задатки независимости такъ систематически, продолжительно и, какъ казалось, усѣбно вытраивались правительствомъ, и которая давно, повидимому, привыкла малодушно мириться со всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ потери своего обезпечиваемаго правительствомъ матеріальнаго достатка, — что въ этой самой средѣ, подрастающія поколѣнія до сихъ поръ еще не успѣли выродиться въ безжизненныхъ автоматовъ.

Вотъ этому то проявленію свободнаго чловѣческаго духа среди погруженнаго въ спячку общества мы и придаемъ серьезное значеніе, какъ залогъ возможности лучшаго будущаго. И мы съ волненіемъ и радостью приветствуемъ это явленіе, желая видѣть въ немъ первый проблескъ новой эры въ жизни русскаго общества.

* * *

Мы далеки отъ желанія идеализировать молодежь или льстить ей самолюбію, тѣмъ болѣе, что она, и безъ того, часто страдаетъ преувеличеннымъ представленіемъ о значеніи своей дѣятельности. Но именно потому, что она не всегда располагаетъ вѣрною перспективою сравнительной важности того, въ чемъ принимаетъ участіе, — намъ кажется желательнымъ, чтобы люди, безпристрастно наблюдающіе со стороны поведеніе молодыхъ поколѣній, не стѣснялись выражать имъ свое сочувствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершаютъ что-нибудь дѣйствительно хорошее и значительное. А въ поведеніи русской молодежи въ данномъ случаѣ несомнѣнно было много и хорошаго, и значительнаго, — много такого, что внушаетъ самое горячее сочувствіе.

При господствующемъ въ Россіи печальномъ общественномъ настроеніи, нельзя ожидать никакого улучшенія доселѣ удержавшагося дикаго государственнаго строя, помимо двухъ необходимыхъ условій: нужно, во-первыхъ, чтобы люди, живущіе подъ гнетомъ этого строя, перестали относиться равнодушно къ своему положенію, — стали бы способными сознавать свое униженіе, возмущаться и негодовать; и, во-вторыхъ, чтобы возмущались они не въ одиночку и не исподтишка, а сообща и открыто. Еслибъ только осуществились эти два условія, то очень скоро воспослѣдовали бы и соответствующія измѣненія во всемъ внѣшнемъ строѣ общественной и государственной жизни.

И вотъ, въ сферѣ своихъ частныхъ интересовъ, русскіе студенты и ихъ товарищи другихъ учебныхъ заведеній показали всему обществу, что они обладаютъ этими двумя основными

условіями всякаго общественнаго прогресса : у нихъ оказалось достаточно чуткости, чтобы отъ глубины души возмутиться тому, что действительно возмутительно, и достаточно взаимной солидарности, чтобы сплотиться въ неслыханномъ по единодушію, безстрашію и грандіознымъ размѣрамъ протестъ противъ того безобразнаго зла, съ которымъ имъ пришлось лицомъ къ лицу столкнуться при первыхъ шагахъ своего вступленія въ сознательную жизнь.

Въ этомъ протестѣ молодежи замѣчательно еще и то, что, несмотря на свое воодушевленіе и свои размѣры, онъ, съ самаго начала и до конца, сохранилъ ту форму, которая наиболѣе цѣлесообразна въ борьбѣ со всякимъ началомъ насилія и зла ; а именно — форму пассивную, чисто отрицательную, состоящую въ воздержаніи отъ участія въ томъ, что признано слишкомъ унижительною для человѣческаго достоинства. Этому миролюбивому характеру студенческаго протеста и слѣдуетъ, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ приписать необычайно благоприятное и сильное впечатлѣніе, имъ произведенное на общество.

Несмотря на то, что вопросы, непосредственно затронутые этимъ студенческимъ движеніемъ, касались только одной частной стороны общественной жизни, — тѣмъ не менѣе всѣ почувствовали, что происходитъ нечто, имѣющее самое широкое общественное значеніе, и что движеніе это, по своей искренности, свѣжей силѣ и благородству, принадлежитъ къ совсѣмъ иному разряду явленій, чѣмъ тѣ мелкія пошлости и крупныя подлости, которыя, подъ названіемъ государственной и международной политики, наполняютъ дѣятельность всевозможныхъ правителей и столбцы ежедневныхъ газетъ.

Подъемъ духа, начавшійся на школьной скамьѣ, распространился сначала на родственниковъ, друзей и знакомыхъ оскорбленныхъ юношей ; затѣмъ расширяющимися кругами разошелся дальше и дальше ; пока, наконецъ, все общество не взволновалось подъ наливомъ давно ему невѣдомаго чувства возмущенія. Даже въ самыхъ закоснѣлыхъ чиновничьихъ и аристократическихъ кругахъ послышался ропотъ негодованія. И когда раздалась съ престола брызгливая жалоба на „*возмущеніе волненіями унижающаго юношества общественное спокойствіе*“ и „*вмѣшательство общества въ сферу правительственныхъ распоряженій*“, вмѣсто „*соотвѣствія усиліямъ правительственныхъ властей*“, — жалоба, подиертая дерзкою угрозою о томъ, что „*подобныя смуты на будущее время не могутъ быть терпимы и должны быть безъ всякаго послабленія подаваемы строгими мѣрами правительства*“,*) — то этотъ „высочайшій выговоръ русскому обществу“, какъ его окрестили, былъ встрѣченъ всеобщимъ взрывомъ смѣха...

*) См. опубликованное въ періодической печати „Правительственное Сообщеніе“ по поводу доклада генерала Ванновскаго о студенческихъ волненіяхъ.

Как же, в наше время, не радоваться такому, хотя бы только и временному, оживленію общественнаго сознанія, и не почувствовать глубокой благодарности къ тому юношеству, которому удалось ввести токъ свѣжей жизни въ оцепенѣвшій отъ равнодушія общественный организмъ?

* * *

Пессимисты указываютъ на то, что студенты, загнанные, будто бы, угрозою солдатчины, въ концѣ концовъ успокоились и пошли на уступки. Университеты, какъ намъ сообщаютъ, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, переполнены слушателями, несмотря на то, что никакихъ существенныхъ уступокъ правительство не сдѣлало. И высказывается мнѣніе, что не стоило съ такимъ шумомъ огородъ городить для того, чтобы сейчасъ же предоставить всему дѣлу сойти на нѣтъ.

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ этого разочарованія. Смыслъ состоявшагося движенія мы видимъ въ томъ, на что выше указали, а никакъ не въ борьбѣ съ правительствомъ, которой сама молодежь, быть можетъ, и придастъ преобладающее значеніе.

Не говоря о томъ, что серьезная борьба съ какимъ бы то ни было утвердившимся началомъ, — для того, чтобы быть успѣшной, — требуетъ такого глубокаго предварительнаго прощупыванія въ условія, на которыхъ оно зиждется, какимъ только что вступающее въ жизнь юношество наврядъ ли можетъ располагать; не говоря даже о томъ, что непродуманно тратитъ силы на борьбу съ виѣшнимъ проявленіемъ, а не съ внутреннимъ источникомъ зла, какъ дѣлаютъ тѣ, кто борются непосредственно съ правительствомъ вмѣсто того, чтобы бороться съ тою тьмою въ сознаніи людей, которая побуждаетъ преобладающія массы населенія страны поддерживать правительство, не могущее продолжать существовать независимо отъ этой поддержки; — не говоря объ этомъ, если даже и допустить цѣлесообразность виѣшней борьбы съ правительствомъ, то, во всякомъ случаѣ, для желающаго съ нимъ бороться, трудно придумать менѣе подходящее положеніе, нежели — чловѣка, добровольно вступившаго въ казенное учебное заведеніе, организованное исключительно въ государственныхъ интересахъ и находящееся въ полномъ распоряженіи того самаго правительства, съ которымъ оное желаетъ бороться. Поступая въ подобное учрежденіе, учащійся сознательно обязуется подчиняться установленнымъ правительствомъ порядкамъ, опредѣляющимъ все условія университетской жизни, начиная съ назначенія профессоровъ и программы занятій и кончая пріобрѣтаемымъ той или другой ученой степеню чинномъ и покровомъ обязательной для учениковъ казенной либрен. Когда люди не брезгаютъ выгодами и преимуществами, обезпечиваемыми государственною организаціею, то борьба съ этой организаціею слишкомъ съ ихъ стороны неслѣдовательна и беспочвенна для

того, чтобы быть производительной; а тѣмъ болѣе — борьба за введеніе новыхъ желаемыхъ ими порядковъ въ томъ самомъ казенномъ заведеніи, поступаая въ которое, они согласились официально признать свое подчиненное положеніе.

И потому попытки борьбы учениковъ казенныхъ учебныхъ заведеній съ своимъ начальствомъ и правительствомъ, ради достиженій для себя различныхъ „льготъ“ и „правъ“, представляется намъ трогательнымъ юношескимъ увлеченіемъ, заранее обреченнымъ на безуспѣшность. Въ своихъ собственныхъ учебныхъ заведеніяхъ правительство, разумѣется, никогда не согласится ни на какія существенныя уступки, могущія сколько нибудь подорвать его власть или авторитетъ. Если же начальство отъ времени до времени и допускаетъ кое въ чемъ нѣкоторыя ничтожныя поблажки, то это обыкновенно дѣлается для отвода глазъ въ то время, какъ оно еще туже укрѣпляетъ пути во всѣхъ другихъ областяхъ.

* * *

Но если мы не видимъ главнаго значенія студенческаго движенія въ попыткахъ настоять на полученіи тѣхъ или другихъ правъ, то это вовсе не значитъ, что мы считаемъ дѣло, начатое этимъ замѣчательнымъ протестомъ юношества, въ настоящее время оконченнымъ и не требующимъ дальнѣйшаго развитія. Напротивъ того, мы естественно ожидаемъ продолженія этого движенія, и притомъ — не столько въ смыслѣ возобновленія раньше предъявленныхъ требованій, сколько углубленія и расширенія его задачъ.

Если нѣсколько десятковъ тысячъ юношей могли смелиться для того, чтобы, со столь изумительными единодушіемъ, энергіей и выдержанностью, выразить правительству свое негодованіе по поводу оскорбленія, нанесеннаго одной группѣ своихъ товарищей, то, — возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, — почему же имъ не увидѣть и не признать такой же своей солидарности со всѣми тѣми миллионами людей-братьевъ, которые подвергаются со стороны правительства еще въ тысячу разъ худшимъ оскорбленіямъ и притѣвленіямъ, находясь притомъ въ такихъ матеріальныхъ и умственныхъ условіяхъ, которыя не даютъ имъ возможности освободиться изъ подъ своего тяжкаго, почти непосильнаго ярма? Если учащіеся юноши, находясь въ затрудненіи, заслуживаютъ заступничества и нравственной поддержки своихъ товарищей, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ помощи тѣ люди, которые своимъ трудомъ кормятъ и содержатъ всѣхъ этихъ юношей съ ихъ семьями и со всей ихъ средой. Въдѣ эти высшія учебныя заведенія, паравиѣ со всѣми остальными правительственными учрежденіями, содержатся на средства, насильственно отбираемыя отъ рабочаго народа, въ то время какъ онъ самъ тѣмъ же правительствомъ тщательно охраняется отъ всякаго истиннаго просвѣщенія и систематически одурманивается церковно-государственнымъ обманомъ.

Не чувствуя расположенія участвовать въ господствующемъ слѣбномъ преклоненіи передъ неъмъ тѣмъ, что облечено въ научныя ризы и освящено авторитетомъ жреновъ современной культуры, — мы не считаемъ нужнымъ закрывать глаза на то, что преподаваемые въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ научные курсы большей частью установлены русской государственною властью для своихъ специальныхъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ просвѣщеніемъ, котораго она боится больше всего на свѣтѣ. Мы не можемъ не замѣчать и того, что успѣшное прохожденіе этихъ курсовъ до конца имѣетъ обыкновенно свойство притуплять лучшіе задатки ума и сердца, вытраивая всякую индивидуальную самобытность. Наконецъ, мы знаемъ, что громадное большинство людей, наиболѣе блистательно кончающихъ эти курсы, потомъ становится либо чиновниками-карьеристами, либо распорядителями чужимъ трудомъ въ интересахъ капитализма, — или же, въ лучшемъ случаѣ, дѣятелями, пользующимися казеннымъ жалованьемъ или доходомъ отъ буржуазныхъ классовъ для того, чтобы имѣть возможность содержать свои семьи въ сравнительномъ достаткѣ и заниматься тѣмъ, что имъ лично болѣе всего по вкусу.

Но здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этихъ вопросовъ; и потому замѣтимъ только, что если даже и предположить, что высшее образованіе обставлено въ Россіи, какъ нельзя лучше, то этимъ все-же не устраняется вопросъ о томъ, имѣетъ ли, въ наше время, молодой человекъ, — уже воспользовавшійся благами (какъ онъ ихъ считаетъ), скажемъ — средняго образованія, — нравственное право продолжать накоплять дальнейшее умственное достоиніе, тогда какъ большинство того рабочаго народа, на счетъ котораго онъ воспитывался, не имѣетъ возможности получить даже самаго элементарнаго начальнаго образованія, лишенаго даже бременемъ каторжнаго физическаго труда и совершенно лишенаго досуга, необходимаго для всякаго умственнаго развитія?

Вѣдь, умственный капитализмъ не менѣе преступенъ, а для многихъ болѣе сообразителенъ, нежели денежный. Приобрѣтши, по желанію своихъ воспитателей, избѣтную степень образованія, юноша, вступая въ сознательную жизнь, — если только онъ сумѣетъ отдать себѣ отчетъ въ значеніи своего привилегированнаго положенія по отношенію къ рабочимъ массамъ, — сознаетъ и почувствуетъ потребность подѣлиться съ ними своими умственными богатствами вмѣсто того, чтобы эгонистически продолжать накоплять ихъ все больше и больше. Но бѣда въ томъ, что жизнь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ ея увлекательными товарищескими и всякими кружковыми интересами, съ одной стороны, и первымъ возникновеніемъ животренецущихъ философскихъ, соціальныхъ и тому подобныхъ вопросовъ, съ другой, — создаетъ такую обворожительную, самодовлѣющую душевную атмосферу, что дышащіе ею молодые люди и не замѣ-

чають своего совершеннаго отчужденія отъ дѣйствительной жизни своего народа. А между тѣмъ, это именно отчужденіе (вмѣстѣ, конечно, съ самымъ характеромъ проходимаго курса) создаетъ ту искусственную теоретичность, ту умственную безнуждность, которыя представляютъ слабѣйшія стороны душевнаго развитія учениковъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эти же причины способствуютъ и тому, что лучшіе, свойственные юношескому возрасту, задатки чуткости, отзывчивости и воодушевленной энергій расходуется на служеніе частнымъ и сравнительно ничтожнымъ интересамъ самой учащейся молодежи вмѣсто того, чтобы быть направленными туда, гдѣ безъ всякаго сравненія болѣе важныя и настоятельныя интересы роднаго народа вызываютъ о неотложномъ участіи всѣхъ, у кого глаза открыты, и сердце на мѣстѣ.

И потому намъ кажется, что самое просвѣтительное вліяніе, оказываемое на наше юношество казенными учебными заведеніями, заключается въ обнаруженіи передъ нимъ истиннаго значенія господствующаго въ Россіи государственнаго начала и того поработаннаго положенія, которое занимаетъ передъ этимъ началомъ русское общество и русскій народъ. А живое сознаніе этого положенія вещей лучше всего вызывается тѣми притѣсненіями, оскорбленіями и преслѣдованіями, которыя неизбѣжно выпадаютъ въ этихъ заведеніяхъ на долю лучшихъ представителей молодыхъ поколѣній. Такъ что высшій дипломъ, который можетъ получить учащійся въ подобномъ заведеніи, состоитъ въ насильственномъ изъ него исключеніи за неспособность достаточно обезличиться и отгунѣть для того, чтобы удовлетворить требованіямъ начальства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, выходъ, — вынужденный ли или добровольный, — изъ казеннаго учебнаго заведенія имѣть, на нашъ взглядъ, еще и то благотворное значеніе, что сразу ставитъ молодого человѣка, освободившагося изъ подъ правительственной опеки, лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью и тѣмъ самымъ открываетъ ему наилучшій курсъ образованія и развитія, доступный тому, кто желаетъ имъ воспользоваться.

Какъ бы то ни было, — но въ дальнѣйшее развитіе этого замѣчательнаго и отраднаго движенія среди русской учащейся молодежи мы твердо вѣримъ. Не намъ, разумѣется, братья за предсказанія о томъ, въ какую именно форму оно можетъ вылиться. Несомнѣнно только одно: что событіе это обнаружилъ въ молодомъ поколѣніи нашего общества прекрасныя и могучіе задатки; и что, — такъ или иначе, раньше или позже, — задатки эти должны непременно дать соответствующіе имъ по достоинству плоды.

В. Черниковъ.

Purleigh, 18 декабря 1899 г.

О наших изданиях со свѣдѣніями изъ современной жизни въ Россіи.

Мы начали новую серію нашихъ „Листковъ Свободнаго Слова“, специально посвящаемую той сторонѣ современной русской жизни, о которой въ Россіи запрещается говорить въ печати. Къ разряду такихъ цензурируемыхъ темъ, какъ свѣдно, принадлежатъ, съ одной стороны, почти всѣ наиболее жизненные проблемки развивающагося человѣческаго сознанія, всякое стремленіе отдѣльных лицъ и собраній людей къ свѣту и свободѣ, каждое проявленіе пробуждающейся среди русскихъ людей потребности отстаивать свои естественныя права, свое человѣческое достоинство, требованія своей совѣсти. Сюда же, съ другой стороны, относятся всевозможныя преслѣдованія и притѣвленія людей за это самое со стороны русскаго правительства и — вообще все то, что обнаруживается тѣ или другія отрицательныя стороны существующей въ Россіи государственной организаціи, какъ въ ея совокупности, такъ и въ дѣйствіяхъ отдѣльных ея представителей.

Не съ легкимъ сердцемъ приступаемъ мы къ подобной обличительной задачѣ, для насъ лично представляющей много непривлекательнаго и тяжелаго. Побуждаемы мы единственно сознаніемъ ея важнаго значенія и нашей правительственной обязанности взяться за то, чтѣ, благодаря нашему вынужденному пребыванію за границей, мы самими обетованіями признаны исполнить. Имѣеть съ тѣмъ мы не скрываемъ отъ себя тѣхъ опасностей и соблазновъ, которые неизбежно связаны со великимъ разоблаченіемъ отрицательныхъ или темныхъ сторонъ человѣческой жизни.

Важнымъ мы считаемъ эту отрасль нашихъ изданій потому, что оглашеніе подобныхъ явленій вліяетъ на общественное мнѣніе, вызывая протестъ и отпоръ, безъ которыхъ невозможно ни малѣйшее улучшеніе современнаго положенія вещей.

Существованіе той или другой правительственной организаціи непосредственно зависитъ отъ лояльности ей и поддержки ея со стороны народа; и потому всякая отсталая отъ современнаго уровня общественнаго развитія государственная форма этимъ самымъ уже приговорена къ гибели. Но одно изъ отличительныхъ свойствъ всякой олигархіи, подобной нынѣ царствующей въ Россіи, въ томъ и заключается, что кучка людей, стоящихъ у кормила правленія, вовсе не озабочена послѣдующею судьбою того государства, которому она номинально служитъ, по которое, на самомъ дѣлѣ, служить ей. Люди эти, при всемъ своемъ вишнемъ неовѣданіи преданности царю и отечеству, въ дѣйствительности хлопочутъ только о томъ, чтобы „на ихъ вѣкъ хватило“, и чтобы самимъ какъ можно дольше удержаться у власти. А такъ какъ постепенный ростъ народнаго сознанія медленно вліяетъ на измѣненіе государственныхъ формъ, то, въ теченіе такой переходной эпохи, какою въ настоящее время переживаетъ русскій общественный строй, дѣльмъ поколѣніямъ правителей удается удержать въ своихъ рукахъ механизмъ государственной власти, опираясь единственно на все еще пріоритетную дѣйствующую инерцію прежнихъ общественныхъ требованій. Поиито, что правительство, подобное нышнему русскому, старающееся во что бы то ни стало удержаться на такой шаткой почвѣ и неумѣющее или нежелающее подавать впередъ имѣть съ развитіемъ общественнаго сознанія, — самими условіями своего существованія поставлено въ необходимость, ради самосохраненія, постоянно лицефронтить, лгать и обманывать, больше всего на свѣтѣ опасаясь разглашенія правды, которая обнаружила бы слишкомъ наглядно его отсталость и негодность.

А между тѣмъ, если желательно, чтобы лучшія общественныя формы заимли, наконецъ, тѣ отжившія, отъ которыхъ такъ страдаетъ весь русскій народъ, то необходимо, чтобы этотъ народъ, — чтобы мы перестали сами поддерживать существующій государственный строй. А для этого нужно, прежде всего, чтобы столь старательно оберегаемые правительствомъ искусственные покровы снали съ этого строя, разоблачал его передъ всеобщимъ взоромъ во всей его безобразной и отталкивающей наготѣ.

Содѣйствовать этому можемъ все мы и каждый изъ насъ, на всякое мѣстѣ и во всякое время: нужно только имѣть мужество смотрѣть правдѣ въ глаза и называть вещи ихъ именами. Если нельзя дѣлать этого черезъ посредство легальной печати, за то вполне возможно дѣлать это посредствомъ слова, которое, не поддаваясь никакимъ вишнимъ стѣсненіямъ, имѣетъ несравненно больше просвѣтительнаго значенія, чѣмъ печатная литература, когда ей приходится примѣняться къ правительственнымъ требованіямъ.

Мы же, съ своей стороны, будучи за границей въ состояніи заниматься свободнымъ издательствомъ, ждали бы этимъ путемъ принимать посильное участіе въ общемъ дѣлѣ, предавая болѣе широкой гласности все то, что въ Россіи такъ тщательно скрывается тѣмъ, кому выгодно ложь, нежели истина.

ной жизни
е (вмѣстѣ,
д) создаетъ
очвенность,
о развитія
ги же при-
е юноше-
одушенлен-
авнительно
мѣсто того,
сравненія
арада вы-
скрыты, и

ое вліяніе,
ми заведе-
истиннаго
аго начала
есть передъ
А живое
аестся тѣмъ
оторыя не-
о лучшихъ
ий дипломъ,
заведеніи,
за неспо-
ого, чтобы

доброволь-
на нашъ
ну ставить
стельствен-
ю и тѣмъ
и разви-
ся.
итіе этого
учащейся
д, браться
но можетъ
го обнару-
красные и
или позже,
ющіе имъ

ертковъ.

Грозилъ намъ при этомъ опасность, — отъ которой не всегда удавалось уберечь себя нашимъ предшественникамъ на этомъ же самомъ поприщѣ, — лежить въ томъ, что, изображая, на основаніи получаемыхъ изъ Россіи корреспонденцій, отрицательныя стороны русской правительственной дѣятельности, легко быть введенными въ заблужденіе пристрастными сообщеніями, новѣрною или преувеличенно описывающими факты. Во избѣжаніе такой ошибки, которая, разумется, подрывала бы довѣріе общества къ этому отдѣлу нашихъ изданій и предоставила бы въ руки нашимъ противникамъ оружіе противъ насъ, — мы намѣрены быть крайне разборчивыми въ выборѣ нашего матеріала, пользуясь лишь тѣми извѣстіями, на достовѣрность которыхъ мы имѣемъ основаніе положитьсь, или указывая на печатный источникъ, изъ котораго мы почерпнули то или другое сообщеніе; или же, наконецъ, дѣлая оговорку, что не имѣли возможности проверить точность сообщаемого. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, паче чаянія, въ наши столбцы будутъ прокрадываться сколько нибудь леточныя свѣдѣнія, мы всегда будемъ рады помѣщать поправки и опроверженія, получаемыя нами изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Предостопній намъ соблазнъ мы предусматриваемъ въ естественной склонности, — узнавая и повѣствуя о возмутительныхъ преступленіяхъ, на каждомъ шагу совершаемыхъ въ Россіи представителями власти, — заражаться чувствомъ озлобленія противъ тѣхъ людей, черезъ которыхъ совершается это зло. Мы хорошо понимаемъ, что, отдаваясь чувству недоброжелательства, злобы или ненависти къ отдѣльнымъ личностямъ, только подливаешь масло въ огонь той вражды и того взаимнаго непониманія, которыя служатъ одними изъ главныхъ источниковъ обличаемаго зла. Отъ подобнаго искушенія мы, впрочемъ, отчасти обезопасны тѣмъ обстоятельствомъ, что, сами принадлежа, по рожденію, воспитанію и прежней дѣятельности, къ той именно средѣ, изъ которой преимущественно вербуются представители правительственнаго произвола, — мы хорошо знаемъ, какими роковыми путями люди доходятъ до исполненія этой ужасной роли, и насколько, въ сущности, невѣстными эти несчастныя жертвы развращающаго вліянія государственной системы.

Мы знаемъ, что большинство правительственныхъ служащихъ дѣйствительно отличается недобросовѣтностью, корыстолюбіемъ и жестокостію; но знаемъ также и то, что оно дошло до этого состоянія не по своей волѣ, но было до него доведено незаметно и неизбежно всею тою ложью, въ которой оно было воспитано. Мы не можемъ, поэтому, не сознавать, что было бы столь же неразумно осуждать этихъ людей въ ихъ душевномъ убожествѣ, какъ осуждать калѣку въ его физическомъ уродствѣ.

Среди общей массы недобросовѣстныхъ правителей, кое-гдѣ мелко разсыпана горсточка такихъ представителей власти, которые искренно считаютъ себя свыше призванными къ занимаемому ими положенію и убѣждены, что употребляютъ свою власть на служеніе Богу и людямъ, — горсточка, къ которой, у насъ въ Россіи, обыкновенно принадлежитъ и тотъ верховный представитель государства, отъ имени котораго совершаются все правительственные ужасы и безобразія. Люди эти поистинѣ жалки въ своемъ заблужденіи, одиночествѣ и безсиліи. Лишенные возможности всякаго непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью и вынужденные все разсматривать сквозь призму подтасованныхъ и лживыхъ официальныхъ донесеній, вѣчно обманываемые и ослѣвленные самыми невѣроятными иллюзіями, — они, по условіямъ своего положенія, служатъ только безсознательными ширмами, прикрывающими совершаемое вокругъ нихъ зло, неправду которое, по собственной инициативѣ, они не имѣютъ никакой возможности, не выйдя изъ того государственнаго механизма, съ которымъ они неразрывно связаны. Искренно жалія этихъ людей, мы были бы рады, еслибъ сообщаемыя въ нашихъ изданіяхъ свѣдѣнія помогли хоть нѣкоторымъ изъ нихъ, увидѣвъ уголокъ той дѣятельной жизни, о которой имъ такъ настойчиво внушаются совершенно прератныя понятія, выйдя изъ того ложнаго положенія, въ которомъ они находятся.

Но сознаніе того, что совершающіе зло, заблудшіе люди-братья заслуживаютъ жалости, а не злобы, никакъ не можетъ и не должно охлаждать наше возмущеніе противъ тѣхъ отвратительныхъ преступленій, которыя повсемѣстно и непрерывно совершаются русскимъ правительствомъ надъ русскими людьми. Имѣя возможность обличать это зло и протестовать противъ него, мы были бы отвѣстными участниками въ немъ, еслибъ оставались пассивными его зрителями. Правительственными злодѣянія ужасны; но еще ужаснѣе, еще преступнѣе было бы наше равнодушіе къ нимъ.

Живое и неотступное сознаніе этой лежащей на насъ нравственной отвѣтственности и побудило насъ приступить къ настоящему отдѣлу нашихъ изданій.

В. Чертковъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Сборника „Студенческое Движеніе 1899 года“, составленнаго
подъ редакціей А. и В. Чертковыхъ.

	Стр.
Предисловіе отъ редакціи	3
Сообщеніе студентовъ, участвовавшихъ въ движеніи	4
Голосъ изъ общества	9
Дополнительныя свѣдѣнія къ первому періоду движенія :	
Изъ бюллетеня 6-го дня по закрытіи универ- ситета	25
Изъ частнаго письма	26
Списокъ забастовавшихъ учебныхъ заведеній .	28
Петербуржскому студенчеству отъ всего русскаго студенчества Женевакаго университета .	28
Отъ Берискихъ студентовъ и студентокъ .	29
Секретный циркуляръ редакціямъ періодиче- скихъ изданій	29
Комиссія Ванновскаго	30
Матеріалы, относящіяся ко второму періоду дви- женія :	
Отъ Организаціоннаго Комитета Петербуржскаго Университета	35
Воззваніе Организаціоннаго Комитета	39
Изъ листка „О солидарности“	39
Изъ Кіева (Изъ частнаго письма)	40
Изъ бюллетеня 33-го	41
Отъ арестованныхъ студентовъ	42
Изъ бюллетеня 37-го	43
Изъ бюллетеня 38-го	43
По поводу „Правительственнаго Сообщенія“ .	44
Отъ студентовъ Кіевскаго Союза	46
„Египеть“. Стихотвореніе	47
Осада Кіевскаго Университета. Стихотвореніе.	48
Отдача „безпокойныхъ“ студентовъ въ солдаты.	51
По поводу студенческаго движенія. <i>В. Черткова.</i>	54
О нашихъ изданіяхъ со свѣдѣніями изъ современ- ной жизни въ Россіи. (Предисловіе къ № 8 „Листковъ Свободнаго Слова“)	61
Списокъ изданій „Свободнаго Слова“	63
Оглавленіе	64

Черткова.

